

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА



Дело «S.A.S. против Франции»¹

(Жалоба № 43835/11)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 1 июля 2014 г.

По делу «S.A.S. против Франции» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Дина Шпильманна, *Председателя Большой Палаты Суда*,

Йозепа Касадеваля,

Гвидо Раймонди,

Инеты Зиемеле,

Марка Виллигера,

Боштьяна Зупанчича,

Элизабет Штайнер,

Ханлара Гаджиева,

Мирьяны Лазаровой Трайковской,

Леди Бианку,

Анны Юдковской,

Ангелики Нуссбергер,

Эрика Мёсе,

Андре Потоцкого,

Пауля Лемменса,

Хелены Ядерблом,

Алеша Пейхала, *судей*,

а также при участии Эрика Фриберга, *Секретаря-канцлера Суда*,

рассмотрев дело в закрытых заседаниях 27 ноября 2013 г. и 5 июня 2014 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 43835/11, поданной против властей Французской Республики в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соот-

ветствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданкой Франции (далее – заявительница) 11 апреля 2011 года. Председатель Пятой Секции и впоследствии Председатель Большой Палаты Европейского Суда удовлетворили просьбу заявительницы о сохранении анонимности (пункт 3 правила 47 Регламента Европейского Суда).

2. Интересы заявительницы представляли адвокаты С. Шарма (*S. Sharma*), Р. де Мелло (*R. De Mello*) и Т. Муман (*T. Muman*), практикующие в г. Бирмингеме, а также адвокат С. Синф Джус (*S. Singh Juss*), практикующий в г. Лондоне. Власти Франции (далее также – власти государства-ответчика) первоначально были представлены Представителем Французской Республики при Европейском Суде Э. Белльяр (*E. Belliard*), начальником Департамента по правовым вопросам Министерства иностранных дел, а с мая 2014 года Ф. Алабрюном (*F. Alabrune*).

3. Заявительница жаловалась, что установленный Законом от 11 октября 2010 г. № 2010–1192 запрет ношения одежды, предназначенной для того, чтобы скрывать лицо человека в общественных местах, лишал ее возможности носить полностью скрывающую ее лицо одежду в общественных местах. Она утверждала, что имело место нарушение статей 3, 8–11 Конвенции, взятых как в отдельности, так и во взаимосвязи со статьей 14 Конвенции.

4. Жалоба была распределена в Пятую Секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). 1 февраля 2012 г. жалоба была коммуницирована властям Франции.

5. 28 мая 2013 г. Палата Пятой Секции Европейского Суда в составе следующих судей: Марка Виллигера, Председателя, Ангелики Нуссбергер, Боштьяна Зупанчича, Анны Юдковской, Андре Потоцкого, Пауля Лемменса и Алеша Пейхала, судей, а также при участии Клаудии Вестердийк, Секретаря Секции, – решила уступить юрисдикцию в пользу Большой Палаты Европейского Суда, и ни одна из сторон не возражала против этого (статья 30 Конвенции и правило 72 Регламента Европейского Суда).

6. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с пунктами 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда.

7. Заявительница и власти Франции представили письменные замечания относительно приемлемости жалобы и по существу дела.

8. Неправительственным организациям «Международная амнистия» (*Amnesty International*), «Свобода» (*Liberty*), «Правовая инициатива откры-

¹ Перевод с английского языка А.С. Новиковой.

² Настоящее Постановление вступило в силу 1 июля 2014 г. в соответствии с пунктом 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

того общества» (*Open Society Justice Initiative*) и «Статья 19» (*Article 19*), а также Центру по правам человека университета г. Гент (нидерл. – *Gent*, фр. – *Gand*), Бельгия, и властям Бельгии было предоставлено право подачи письменных замечаний по делу (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 3 правила 44 Регламента Европейского Суда). Властям Бельгии также было предоставлено право принять участие в слушании.

9. Открытое слушание по делу состоялось во Дворце прав человека 27 ноября 2013 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В заседании Большой Палаты Европейского Суда приняли участие:

(a) со стороны властей Франции:

Э. Белляр, сотрудница Департамента по правовым вопросам Министерства иностранных дел, *Представитель Франции при Европейском Суде*,

Н. Ансель (*N. Ancel*), начальник Управления по правам человека Министерства иностранных дел, *сопредставитель Франции при Европейском Суде*,

С. Фурнель (*S. Fournel*), сотрудник Управления по правам человека Министерства иностранных дел,

Р. Фераль (*R. Feral*), сотрудник Управления по правам человека Министерства иностранных дел,

П. Руо-Шалье (*P. Rouault-Chalier*), начальник Управления по общим правовым вопросам и спорам Министерства юстиции,

Э. Дюман (*E. Dumand*), начальник Департамента европейского, международного и институционального права и споров Министерства внутренних дел, советники.

(b) со стороны заявительницы:

Р. Де Мелло,

Т. Муман,

С. Синф Джюс, консультанты,

Э. Бьордж (*E. Bjorge*),

А. Вакуленко (*A. Vakulenko*),

С. Берри (*S. Berry*), советники;

(c) со стороны властей Бельгии:

И. Нидлиспахер (*I. Niedlispacher*), *сопредставитель Бельгии при Европейском Суде*.

Европейский Суд заслушал выступления Э. Белляр, Р. де Мелло, Т. Мумана, И. Нидлиспахера, а также ответы Э. Белляр и Р. де Мелло на вопросы судей.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

10. Заявительница является гражданкой Франции. Она родилась в 1990 году и проживает во Франции.

11. По утверждениям заявительницы, она является мусульманкой и носит паранджу и никаб в соответствии со своими вероисповеданием, культурой и личными убеждениями. Согласно ее объяснениям паранджа представляет собой одежду,

полностью скрывающую тело, с сетчатой тканью на уровне лица, а никаб – головной убор, полностью скрывающий всё лицо, за исключением глаз. Заявительница уточнила, что ни ее муж, ни другие члены ее семьи не оказывали на нее давления с целью заставить ее одеваться подобным образом.

12. Заявительница добавила, что она носила никаб как в общественных местах, так и дома, но нерегулярно, например, она могла не носить его, когда посещала врача, встречалась с друзьями в общественном месте или хотела познакомиться с новыми людьми. Таким образом, она не стремилась носить никаб в общественных местах постоянно, но хотела иметь возможность ходить в нем, когда она этого захочет, в частности, в зависимости от ее духовного состояния. Заявительница полагала, что в определенных случаях (например, во время религиозных праздников, таких как Рамадан) она должна ходить в нем в общественных местах для того, чтобы выразить свою веру в религиозном, личном и культурном аспектах. Она не преследовала цель вызывать раздражение у других людей, а хотела лишь сохранить в себе душевную гармонию.

13. Заявительница не утверждала, что ей должна была быть предусмотрена возможность носить никаб при прохождении контроля безопасности в банках или аэропортах, и была согласна открывать свое лицо, когда ее просили об этом для проведения необходимых проверок безопасности.

14. С 11 апреля 2011 г., даты вступления в силу Закона от 11 октября 2010 г. № 2010–1192, на всей территории Франции начал действовать запрет скрывать свое лицо в общественных местах.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ФРАНЦИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. ЗАКОН ОТ 11 ОКТЯБРЯ 2010 Г., «ЗАПРЕЩАЮЩИЙ СКРЫВАТЬ ЛИЦО В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ»

1. История разработки Закона от 11 октября 2010 г.

(a) Доклад «О практике ношения полностью скрывающей лицо одежды¹ на территории страны»

15. 23 июня 2009 г. на конференции председателей Национальной ассамблеи была создана парламентская комиссия, в состав которой вошли

¹ Здесь и далее Большая Палата Европейского Суда в основном не уточняет, какой именно вид одежды женщин-мусульманок, скрывающей лицо (паранджа, никаб, чадра), имеется в виду, поэтому используется выражение «полностью скрывающая лицо одежда» (примеч. редактора).

депутаты от различных партий, с целью подготовки доклада «О практике ношения полностью скрывающей лицо одежды на территории страны».

16. В данном докладе, представленном 26 января 2010 г. и насчитывавшем около 200 страниц, описывалась и анализировалась сложившаяся ситуация. Из документа следовало, в частности, что ношение скрывающей лицо одежды – новое для Франции явление (представляется, что до 2000 года почти ни одна женщина так не одевалась) и что к концу 2009 года так одевались около 1 900 женщин (из которых 270 – на заморских территориях), девять из десяти из них были младше 40 лет, двое из троих являлись гражданками Франции, и одна из четырех приняла ислам. Согласно докладу ношение подобной одежды являлось практикой, которая существовала до появления ислама, и оно не имело характера религиозного предписания, а являлось частью радикального самоутверждения лиц, находившихся в поисках своей индивидуальности в социальной сфере, а также действий экстремистских движений фундаменталистов. В докладе также указывалось, что данный феномен не наблюдался в странах Центральной и Восточной Европы, в частности, в Чешской Республике, Болгарии, Румынии, Венгрии, Латвии и Германии. Таким образом, в этих странах данный вопрос не обсуждался, в отличие от Швеции и Дании, в которых практика ношения полностью скрывающей лицо одежды была, тем не менее, не так распространена. Кроме того, вопрос о полном запрете подобной практики обсуждался в Нидерландах и Бельгии (с тех пор, с 1 июня 2011 г., в Бельгии был принят закон, «имеющий целью запретить ношение любой одежды, скрывающей лицо, полностью или в основном», см. ниже §§ 40–41). В докладе также критиковалась ситуация в Соединенном Королевстве, где согласно докладу наблюдалась тенденция, основанная на религиозной почве, со стороны радикальных и фундаменталистских мусульманских групп, которые использовали правовую систему, активно защищающую основополагающие индивидуальные права и свободы для того, чтобы добиться признания прав, предоставленных прежде всего проживающим в стране лицам мусульманского происхождения или вероисповедания.

17. Далее в докладе подвергалась критике «практика, противоречащая ценностям Республики», выраженным в максиме «Свобода, равенство, братство». В докладе подчеркивалось, что, выходя за пределы простой несовместимости с принципом секуляризма, полностью скрывающая лицо одежда нарушала принцип свободы, поскольку являлась символом определенной формы подчинения, и в силу самого своего существования отрицала как принцип гендерного равенства, так и принцип равного достоинства людей. В докладе также указывалось на то, что полностью скрывающая лицо

одежда представляла собой отрицание братства, то есть отрицание контакта с другими людьми и очевидное нарушение французского принципа совместного проживания (*le «vivre ensemble»*).

С учетом изложенного в докладе был сделан вывод о необходимости «освободить женщин от власти ношения полностью скрывающей лицо одежды» и предлагалось действовать в трех направлениях: убеждать и защищать женщин и рассмотреть вопрос о запрете такой одежды. В докладе содержались следующие четыре предложения: во-первых, принять резолюцию, вновь утверждающую ценности Республики и осуждающую как противоречащее таким ценностям ношение полностью скрывающей лицо одежды; во-вторых, провести общее исследование по вопросам таких явлений, как объединение, дискриминация и неприятие других лиц в связи с их происхождением или вероисповеданием и по вопросам условий справедливого представительства религиозного разнообразия; в-третьих, интенсификация действий по повышению информированности и обучению взаимному уважению и разнообразию, а также обобщение механизмов посредничества; в-четвертых, принять законодательство, гарантирующее защиту женщин, которые являются жертвами принуждения, что должно усилить позиции должностных лиц, которые сталкиваются с данным явлением, и ограничивать подобные практики. В докладе подчеркивалось, что как среди членов парламентской комиссии, так и среди членов политических партий, представленных в парламенте, не было единогласной поддержки в пользу принятия закона о введении общего и абсолютного запрета ношения полностью скрывающей лицо одежды в общественных местах.

(b) Заключение Национальной консультативной комиссии по правам человека (Commission nationale consultative des droits de l'homme) «в отношении полностью скрывающей лицо одежды»

18. В то же время, 21 января 2010 г., Национальная консультативная комиссия по правам человека (далее – Комиссия) подготовила Заключение о ношении полностью скрывающей лицо одежды, указав в нем, что она не поддерживает принятие закона о введении общего и абсолютного запрета. По мнению Комиссии, в частности, сам по себе принцип секуляризма не может служить основанием для принятия такой общей меры, поскольку государство не имеет полномочий решать, относится ли тот или иной вопрос к сфере вероисповедания, и что общественный порядок может оправдывать запрет только в том случае, если его действие будет ограничено в пространстве и во времени. В заключении также подчеркивался риск общественного порицания мусульман и указывалось на то, что

общий запрет может привести к неблагоприятным для женщин последствиям, в частности, поскольку те из них, которых заставляют носить полностью скрывающую одежду лицо, к тому же лишатся доступа к общественным местам.

19. При этом Комиссия отметила, что поддержка женщин, которые подвергаются какому-либо виду насилия, должна стать политическим приоритетом. В целях борьбы с любыми формами обскурантизма Комиссия выступила за поощрение распространения культуры диалога, открытости и умеренности для того, чтобы способствовать лучшему пониманию различных религий и принципов Республики. Комиссия призвала к развитию курсов гражданского обучения, включая обучение в области прав человека, на всех уровнях как для мужчин, так и для женщин. Она потребовала строгого применения принципов секуляризма и нейтральности в государственных органах и применения существующего законодательства, а также выразила пожелание о том, чтобы параллельно проводились социологические и статистические исследования с целью отслеживания развития такого явления, как ношение полностью скрывающей лицо одежды.

(с) Исследование Государственного совета (Conseil d'État) о «возможных правовых основаниях для запрета ношения полностью скрывающей лицо одежды»

20. 29 января 2010 г. премьер-министр попросил Государственный совет провести исследование относительно «возможных правовых оснований для запрета ношения полностью скрывающей лицо одежды», «настолько широкого и эффективного, насколько это возможно».

21. Данное исследование было проведено Государственным советом, и 25 марта 2010 г. доклад относительно «возможных правовых оснований для запрета ношения полностью скрывающей лицо одежды» был принят Пленумом Национальной ассамблеи. Вопрос, поставленный перед Государственным советом, был сформулирован в докладе следующим образом: можно ли рассматривать возможность введения юридического запрета по определенным причинам и в течение установленного срока на ношение полностью скрывающей лицо одежды как таковой или необходимо рассмотреть более общий вопрос о сокрытии лица, одним из примеров которого является ношение подобной одежды?

22. Государственный совет прежде всего отметил, что в существующем законодательстве данный вопрос уже урегулирован различными способами: либо посредством положений о запрете ношения полностью скрывающей лицо одежды некоторыми лицами при определенных обстоятельствах, с помощью установления периодических ограничений в отношении сокрытия лица по причинам поддер-

жания общественного порядка, либо путем введения уголовных наказаний для лиц, подстрекающих к подобным действиям. Однако Государственный совет отметил, что действующие положения отличались по своему характеру и что в других демократических государствах, как и во Франции, не было принято законов о введении абсолютного запрета на такое поведение в общественных местах. С учетом данного вывода Государственный совет поставил под сомнение юридическую и практическую осуществимость запрета ношения полностью скрывающей лицо одежды в общественных местах, принимая во внимание права и свободы, закрепленные в Конституции Франции, Конвенции и праве Европейского союза. Государственный совет считал невозможным рекомендовать введение запрета лишь на полностью скрывающую лицо одежду как на предмет одежды, представляющий собой ценности, несовместимые с ценностями Республики, поскольку данный запрет будет слабым с юридической точки зрения и его будет сложно применять на практике. Он отметил, в частности, что принцип гендерного равенства не был предназначен для применения к конкретному лицу, то есть к индивидуальному осуществлению личной свободы. Государственный совет также считал, что менее избирательный запрет преднамеренного сокрытия лица, основанный главным образом на более или менее широко интерпретированных соображениях обеспечения общественного порядка, не мог юридически применяться без каких-либо различий ко всем общественным местам ввиду действующей конституционной и конвенционной прецедентной практики.

23. Однако, по мнению Государственного совета, с учетом текущего законодательства было возможно принять более последовательные обязательные и ограничительные законы, которые бы содержали два вида положений: во-первых, о запрете ношения любых предметов одежды или аксессуаров, которые приводят к сокрытию лица таким образом, что это препятствует идентификации человека, либо с целью сохранения общественного порядка, когда он находится под угрозой, либо когда идентификация является необходимой для доступа в определенные места или для передвижения в этих местах, или для целей соблюдения некоторых формальностей; во-вторых, об усилении правоохранительных мер, которые будут направлены, в частности, против лиц, которые принуждают других скрывать лица и, таким образом, скрывать свою личность в общественных местах.

(d) Резолюция Национальной ассамблеи «О приверженности уважению ценностей Республики в то время, когда им угрожает развитие радикальных практик»

24. 11 мая 2010 г. Национальная ассамблея единогласно приняла Резолюцию «О приверженности

уважению ценностей Республики в то время, когда им угрожает развитие радикальных практик».

Согласно данной резолюции Национальная ассамблея:

«...1) полагает, что радикальные тенденции, посягающие на достоинство и равенство между мужчинами и женщинами, одной из которых является ношение полностью скрывающей лицо одежды, являясь несовместимыми с ценностями Республики;

2) утверждает, что нельзя ссылаться на осуществление свободы выражения мнения или вероисповедания с целью нарушения общих правил, без учета ценностей, прав и обязанностей, на которых основано общество;

3) вновь торжественно подтверждает свою приверженность уважению принципов достоинства, свободы, равенства и братства между людьми;

4) выражает пожелание, чтобы борьба против дискриминации и содействие равенству между мужчинами и женщинами стали приоритетом государственных политик в сфере равенства возможностей, в частности, в рамках системы государственного образования;

5) полагает необходимым, чтобы были использованы все соответствующие средства для обеспечения эффективной защиты женщин, которые испытывают насилие или давление и, в частности, принуждаются к ношению скрывающей лицо одежды».

(е) Законопроект

25. В мае 2010 года был представлен законопроект о запрете скрывать лица в общественных местах, поскольку власти Франции пришли к выводу, что иные варианты (медиация и парламентская резолюция) не являлись достаточно эффективными средствами и что запрет, ограниченный определенными местами или обстоятельствами, не будет являться адекватным средством защиты соответствующих принципов и будет сложен в применении (Закон о запрете скрывать лица в общественных местах, исследование относительно последствий, май 2010 года).

К законопроекту была приложена пояснительная записка, в которой указывалось следующее:

«Франция никогда не бывает верна самой себе, своей истории, своей судьбе и своей репутации больше, чем когда она объединяется вокруг ценностей Республики: “Свободы, равенства, братства”. Данные ценности являются фундаментом нашего общественного договора. Они гарантируют единение нации, являются основами уважения достоинства людей и равенства между мужчинами и женщинами.

Эти ценности сегодня ставятся под сомнение в связи с развитием практики сокрытия лица в общественных местах, в частности, ношения полностью скрывающей лицо одежды.

Данный вопрос на протяжении года широко обсуждался общественностью. Ясный вывод, сделанный после слушаний и доклада парламентской комиссии Национальной ассамблеи, является еди-

нодушным. Несмотря на то, что данный феномен пока не очень распространен, ношение полностью скрывающей лицо одежды является предельным проявлением отказа от ценностей Республики. Поскольку сокрытие лица в общественных местах приводит к отрицанию принадлежности соответствующих лиц к обществу, оно несет в себе символическое и бесчеловечное насилие, противоречащее структуре общества.

Был рассмотрен вопрос о принятии *ad hoc* мер, которые заключались бы в частичных запретах, ограниченных определенными местами, а в случае необходимости – некоторыми периодами времени или получением определенных услуг. Такие меры не только будет очень сложно применить, но они будут недостаточными, косвенными и не затрагивающими основную проблему.

Добровольное сокрытие лица представляет собой проблему, поскольку оно противоречит основополагающим требованиям “совместного проживания” во французском обществе.

Защита общественного порядка не ограничивается обеспечением спокойствия, безопасности и санитарного состояния. Она также позволяет запретить любое поведение, прямо противоречащее основным правилам общественного договора Республики, на котором основано наше общество.

Систематическое сокрытие лица в общественных местах, противоречащее идеалу братства, также не соответствует минимальному требованию воспитанности, которая необходима для общественных отношений.

Кроме того, данная форма публичной изоляции, будь она добровольной или навязанной, со всей очевидностью представляет собой посягательство на уважение достоинства личности. В остальном речь идет не только о достоинстве соответствующего лица, но и о достоинстве других лиц, которые находятся в том же общественном месте и с которыми обращаются как с кем-то, от кого нужно защищаться путем отказа от любых взаимоотношений, даже просто визуальных.

Наконец, если говорить о полностью скрывающей лицо одежде, которую носят только женщины, данное посягательство на достоинство личности сопровождается с публичным проявлением явного отказа от равенства между мужчинами и женщинами, воплощением которого оно является.

Рассмотрев вопрос о нормативных документах, которыми располагают органы государственные власти для того, чтобы остановить развитие данного феномена, Государственный совет предложил подход, основанный на обновленной концепции общественного порядка в его “нематериальном измерении”.

Если он счел данную концепцию слишком новаторской, то лишь после того, как признал, что она отражена в некоторых судебных постановлениях, в частности, в том, в котором Конституционный совет счел, что условия “нормальной семейной жизни”, гарантированные иностранцам, проживающим во Франции, могли исключать полигамию, и в прецедентной практике самого Государственного совета, в соответствии с которой некоторые практики, даже добровольного характера, могут быть запрещены, если они про-

тиворечат принципу достоинства личности. То же положение должно применяться в тех случаях, когда оспариваемая практика, такая как сокрытие лица, не может рассматриваться как неотъемлемая от осуществления основополагающей свободы.

Сами принципы нашего общественного договора, о которых торжественно напомнила Национальная ассамблея, единогласно приняв 11 мая 2010 г. Резолюцию о приверженности уважению ценностей Республики, запрещают, чтобы кто-то замыкался в себе и уединялся от других лиц, при этом проживая рядом с ними.

Практика сокрытия лица, которая к тому же при некоторых обстоятельствах может представлять собой угрозу для общественной безопасности, таким образом, не может иметь места на территории Республики. Бездействие государственной власти свидетельствовало бы о недопустимом отказе от защиты принципов, на которых основан наш республиканский договор.

Именно во имя этих принципов в настоящем законопроекте предлагается предусмотреть в законодательстве нашей страны по истечении времени, необходимого для объяснений и обучения, данное важное правило жизни в обществе, согласно которому «в общественных местах никто не может носить одежду, предназначенную для того, чтобы скрывать лицо».

26. Делегация Национальной ассамблеи по правам женщин и равенству возможностей между мужчинами и женщинами поддержала законопроект (информационный доклад зарегистрирован 23 июня 2010 г. под № 2646), и Комиссия по законам также составила положительный доклад (зарегистрирован 23 июня 2010 г. под № 2648).

27. Законопроект был принят Национальной ассамблеей 13 июня 2010 г. 330 голосами «за» при одном – «против» и трех воздержавшихся и Сенатом 14 сентября 2010 г. 246 голосами «за» при одном – «против». После Постановления Конституционного совета от 7 октября 2010 г. о том, что закон соответствовал Конституции (см. ниже § 30), данный закон был обнародован 11 октября 2010 г.

2. Соответствующие положения Закона от 11 октября 2010 г. № 2010–1192

28. Статьи с первой по третью (вступили в силу 11 апреля 2011 г.) Закона от 11 октября 2010 г. № 2010–1192 «О запрете сокрытия лица в общественных местах» (далее – Закон от 11 октября 2010 г.) гласят следующее:

«Статья 1

В общественных местах никто не может носить одежду, предназначенную для того, чтобы скрывать свое лицо.

Статья 2

I. Для целей применения статьи 1 под общественными местами понимаются общественные дороги, а также места, открытые для общественности

или предназначенные для предоставления государственных услуг.

II. Запрет, предусмотренный в статье 1, не применяется, если ношение соответствующей одежды предписано или разрешено положениями закона или подзаконных актов и если оно оправдано соображениями оказания медицинской помощи или профессиональными причинами, либо если оно является частью спортивных, праздничных, традиционных или художественных мероприятий.

Статья 3

Любое нарушение запрета, предусмотренного в статье 1 настоящего закона, наказывается штрафом в размере, соответствующем размеру штрафа, подлежащего назначению за мелкие правонарушения второго класса (*contraventions*) [максимум 150 евро].

Вместо штрафа или в совокупности с ним может быть применена обязанность пройти курс гражданского обучения (*stage de citoyenneté*), упомянутый в подпункте “o” пункта 8 статьи 131–16 Уголовного кодекса».

Порядок отбывания наказания в виде курса гражданского обучения предусмотрен в статьях R. 131–35–R. 131–44 Уголовного кодекса Франции. Цель данного курса обучения заключается в том, чтобы напомнить осужденному ценности Республики, касающиеся терпимости и уважения достоинства человека, и заставить его осознать свою уголовную и гражданскую ответственность, а также об обязанностях, которые предполагает жизнь в обществе. Данный курс также направлен на то, чтобы способствовать социальной интеграции лица (статья R. 131–35 Уголовного кодекса Франции).

29. В статье 4 Закона от 11 октября 2010 г. № 2010–1192 было также предусмотрено включение в Уголовный кодекс Франции следующего положения:

«Статья 225–4–10

Навязывание одному или нескольким лицам практики сокрытия лица путем угроз, насилия, принуждения, злоупотребления властью или должностными полномочиями по причине их пола наказывается лишением свободы на один год и штрафом в размере 30 000 евро.

Те же действия, совершенные в отношении несовершеннолетнего лица, наказываются лишением свободы на два года и штрафом в размере 60 000 евро».

В. ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СОВЕТА ОТ 7 ОКТЯБРЯ 2010 Г.

30. 14 сентября 2010 г. председатели Национальной ассамблеи и Сената обратились в Конституционный совет на основании второго абзаца статьи 61 Конституции Франции. В Постановлении от 7 октября 2010 г. № 2010–613 DC Конститу-

ционный совет объявил Закон № 2010–1192 соответствующим Конституции Франции с оговоркой (пункт 5). В соответствующих частях данного постановления указывалось следующее:

«...3. Статья 4 Декларации прав человека и гражданина от 1789 года гласит: “Свобода состоит в возможности делать всё, что не наносит вреда другому лицу: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Эти пределы могут быть определены только законом”. Статья 5 той же Декларации гласит: “Закон может запрещать лишь те действия, которые вредны для общества. Всё, что не запрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден делать то, что не предписано законом”. Статья 10 указанной Декларации гласит: “Никто не должен быть притесняем за свои взгляды, даже религиозные, при условии, что их выражение не нарушает общественный порядок, установленный законом”. Наконец, абзац 3 Преамбулы к Конституции 1946 года гласит: “Закон гарантирует женщинам равные права с мужчинами во всех сферах”.

4. Статьи 1 и 2 закона, представленного на рассмотрение Конституционному совету, имеют целью отреагировать на явления, которые до недавнего времени носили исключительный характер и состояли в том, чтобы скрывать лицо в общественных местах. Законодатель решил, что данные практики могут быть опасными для общественной безопасности и не соответствуют минимальным требованиям жизни в обществе. Он также счел, что те женщины, которые скрывали свое лицо, добровольно или нет, были поставлены в положение изоляции и подчиненности, которое вопиющим образом нарушало конституционные принципы свободы и равенства. Приняв положения закона, представленного на рассмотрение Конституционному совету, законодатель, таким образом, дополнил и обобщил правила, которые до этого применялись к единичным случаям для поддержания общественного порядка.

5. С учетом целей, которые предполагается достигнуть, а также характера наказания, предусмотренного за несоблюдение установленных в законе правил, законодатель принял закон, положения которого примиряют между собой сохранение общественного порядка и обеспечение гарантированных в Конституции прав таким образом, который не является явно несоразмерным. Однако запрет скрывать лицо в общественном месте не может ограничивать осуществление свободы вероисповедания в местах богослужений, открытых для публики, не нарушив при этом статью 10 Декларации 1789 года. С этой оговоркой статьи с 1 по 3 закона, представленного на рассмотрение, не являются не соответствующими Конституции.

6. Статья 4 представленного на рассмотрение закона, в которой предусмотрено наказание в виде лишения свободы на год и штрафа в размере 30 000 евро для каждого, кто принуждает иных лиц скрывать лицо, и статьи 5–7, касающиеся вступления в силу закона и его применения, не являются не соответствующими Конституции...».

С. ЦИРКУЛЯР ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ОТ 2 МАРТА 2011 Г.

31. Опубликованный в «Официальной газете» 3 марта 2011 г. циркуляр премьер-министра от 2 марта 2011 г. о применении Закона от 11 октября 2010 г. о запрете сокрытия лица в общественных местах содержит следующие указания:

«...I. Сфера применения Закона
[от 11 октября 2010 г. № 2010–1192]¹

1. Элементы сокрытия лица в общественных местах

Сокрытие лица в общественном месте запрещено с 11 октября 2011 г. на всей территории Республики как в метрополии, так и на заморских территориях. Данное правонарушение считается совершенным, когда лицо носит одежду, предназначенную для того, чтобы скрывать лицо, и при этом находится в общественном месте. Два данных условия являются необходимыми и достаточными.

(а) Сокрытие лица

Сфера действия запрета

К одежде, предназначенной для того, чтобы скрывать лицо, относится та, которая делает невозможной идентификацию личности. При этом не обязательно, чтобы лицо человека было полностью скрыто.

В частности, запрещены (список не является исчерпывающим) балаклавы (*cagoules*), полностью скрывающая лицо одежда (паранджа, никаб и так далее), маски и любые другие аксессуары или одежда, которые сами по себе или в совокупности с другими факторами приводят к сокрытию лица человека. Поскольку сокрытие лица человека является мелким правонарушением, наличие умысла не имеет значения, и достаточно того факта, чтобы одежда была предназначена для сокрытия лица.

Предусмотренные законом исключения

В статье 2 закона предусмотрены несколько исключений из запрета скрывать лицо.

Во-первых, запрет не применяется, если “ношение соответствующей одежды предписано или разрешено положениями закона или подзаконных актов”. Речь идет, например, о статье L. 431–1 Дорожного кодекса Франции, согласно которой для водителей двухколесных моторных транспортных средств ношение шлема является обязательным.

Во-вторых, запрет не применяется, “если он оправдан соображениями оказания медицинской помощи или профессиональными причинами”. Профессиональные причины касаются, в частности, сферы, которая охватывается статьей L. 4122–1 Трудового кодекса Франции, согласно которой “в инструкциях работодатель уточняет, в частности, когда это оправдано характером риска, условия использования оборудования, средства защиты,

¹ Здесь и далее в данном разделе текст в квадратных скобках добавлен при переводе (примеч. редактора).

опасные вещества. Они адаптированы к характеру подлежащих выполнению задач”.

Наконец, запрет не применяется, “если он является частью спортивных, праздничных, традиционных или художественных мероприятий”. Таким образом, религиозные праздники, если они носят традиционный характер, попадают в сферу действия исключений из запрета, предусмотренного в статье 1. Что касается спортивных мероприятий, то имеются в виду средства защиты лица, которые требуются при определенных видах спорта.

Положения Закона от 11 октября 2010 г. применяются без ущерба для положений, которые запрещают или регулируют, помимо прочего, ношение определенной одежды при оказании государственных услуг и которые продолжают действовать.

Эти нормы применимы, в частности, к Закону от 15 марта 2004 г. № 2004–228, который регулирует в соответствии с принципом секуляризма ношение знаков отличия или одежды, свидетельствующих о принадлежности к тому или иному вероисповеданию, в государственных школах (статья L. 141–5–1 Кодекса государственного образования и циркуляр о применении данного закона от 18 мая 2004 г.). Также остаются применимыми Хартия госпитализированного пациента (приложение к циркуляру от 2 марта 2006 г. о правах госпитализированных пациентов) и циркуляр от 2 февраля 2005 г. о светском характере учреждений здравоохранения.

(b) Определение общественного места

В статье 2 Закона [от 11 октября 2010 г. № 2010–1192] уточняется, что “под общественными местами понимаются общественные дороги, а также места, открытые для публики или предназначенные для предоставления государственных услуг”.

Понятие “общественные дороги” не нуждается в комментариях. Необходимо уточнить, что, за исключением средств общественного транспорта, транспортные средства, которые находятся на общественных дорогах, считаются частными местами (*lieux privés*). Сокрытие лица человеком, который находится в частной машине, таким образом, не образует состава правонарушения, предусмотренного данным законом. Но оно может попадать в сферу действия положений Дорожного кодекса Франции, предусматривающих, что управление транспортным средством не должно создавать угрозы для общественной безопасности.

Общественными местами являются те, доступ к которым открыт (пляжи, парки, прогулочные зоны и так далее), а также те, доступ к которым возможен, даже при выполнении определенных условий, в той мере, в какой любое лицо, которое этого пожелает, может выполнить данные условия (например, оплата входного билета в театр или в кино). Коммерческие помещения (магазины, кафе, рестораны), банки, вокзалы, аэропорты и различные виды общественного транспорта также являются общественными местами.

Места, предназначенные для предоставления государственных услуг, обозначают всю совокупность институтов, судебных и административных органов, а также органов, наделенных полномочиями

по оказанию государственных услуг. Имеются в виду, в частности, различные административные органы, государственные учреждения, органы местного самоуправления и их учреждения, мэрии, суды, префектуры, больницы, почтовые отделения, образовательные учреждения (школы и университеты), организации медицинского страхования, социальной помощи, занятости, музеи и библиотеки.

2. Отсутствие ограничений осуществления свободы вероисповедания в местах богослужений

Когда они открыты для публики, места богослужений относятся к сфере действия закона. Конституционный совет, тем не менее, уточнил, что “запрет скрывать лицо в общественном месте не может ограничивать осуществление свободы вероисповедания в местах богослужений, открытых для публики, не нарушив при этом статью 10 Декларации 1789 года”.

3. Наказание за факт сокрытия лица

Статья 3 Закона [от 11 октября 2010 г. № 2010–1192] предусматривает, что нарушение запрета сокрытия лица в общественных местах наказывается штрафом в размере, соответствующем размеру штрафа за мелкие правонарушения второго класса (максимум 150 евро). Назначение штрафа относится к компетенции местных судов (*juridictions de proximité*).

В качестве наказания этими же судами может быть также предусмотрена обязанность пройти курс гражданского обучения в качестве альтернативной или дополнительной меры наказания. Данный курс обучения, адаптированный к характеру совершенного правонарушения, должен позволять, в частности, напомнить соответствующим лицам ценности Республики о равенстве и уважении человеческого достоинства.

4. Наказание за оказание принуждения

Факт сокрытия лица, констатированный в общественном месте, может являться результатом принуждения в отношении соответствующего лица и свидетельствовать о совершении третьим лицом деликта навязывания сокрытия лица.

Данный деликт, предусмотренный в статье 4 закона (которым в Уголовный кодекс введена новая статья 225–4–10), наказывается лишением свободы на один год и штрафом в размере 30 000 евро. Те же действия, совершенные в отношении несовершеннолетнего лица, наказываются лишением свободы на два года и штрафом в размере 60 000 евро.

Наказание подобных действий свидетельствует о стремлении органов государственной власти решительно бороться с любыми формами дискриминации и насилия в отношении женщин, которые также представляют собой недопустимые нарушения принципа равенства полов.

II. Действия органов, оказывающих государственные услуги

(a) В рамках своих полномочий по обеспечению надлежащей работы соответствующего органа его глава несет ответственность за соблюде-

ние положений Закона от 11 октября 2010 г. и за меры, принятые для обеспечения его применения, в частности, внесение соответствующих изменений во внутренний регламент

В обязанности руководителя органа также входит представлять и объяснять дух и логику закона своим сотрудникам, чтобы они соблюдали положения закона и были готовы добиваться выполнения требований закона получателями государственных услуг, при наилучших возможных условиях.

Ему также надлежит следить за тем, чтобы в помещениях, открытых для общественности или предназначенных для обслуживания посетителей, была размещена соответствующая предусмотренная властями информация в форме плакатов и буклетов.

(b) Контроль доступа в места, предназначенные для оказания государственных услуг

Начиная с 11 апреля 2011 г. сотрудники органов предоставления государственных услуг, которым, возможно, периодически уже приходилось просить некоторых получателей услуг открывать лицо для установления личности, теперь будут иметь право отказать в предоставлении услуги любому человеку, лицо которого скрыто.

В том случае, если человек, чье лицо скрыто, уже находится в соответствующем помещении, работникам рекомендуется напомнить ему или ей о законодательстве, которое применяется в подобных случаях, и предложить устранить нарушение закона, открыв лицо или покинув помещение.

Однако закон ни в коем случае не предоставляет сотрудникам учреждения право принуждать такого человека открыть лицо или выйти. Применение такого принуждения будет незаконным (*voie de fait*) и приведет к уголовному преследованию. Следовательно, принуждение абсолютно запрещено.

В случае, если нарушители закона отказываются подчиниться, работник или его руководитель должны вызвать полицию или жандармов. Только последние могут констатировать факт правонарушения, составить протокол об этом и в случае необходимости проверить личность соответствующего лица. Для этого Министерством внутренних дел были подготовлены отдельные инструкции для работников государственных силовых органов.

Отказ в доступе к услуге может быть пересмотрен исключительно в случаях срочной необходимости, в частности, медицинского характера.

III. Информирование общественности

Период, предшествующий вступлению в силу запрета сокрытия лица, должен быть использован для того, чтобы обеспечить информирование общественности в установленном порядке.

(a) Общее информирование

Плакат, распространенный в печатном и электронном виде министерствами среди их соответствующих контактных лиц, должен быть размещен на видном месте, доступном для публики или предназначенном для предоставления государственных услуг.

Согласно плакату “Республика живет с открытым лицом” (*la République se vit à visage découvert*)

и с 11 октября 2011 г. вступает в силу запрет сокрытия лица в общественных местах.

Этот плакат может быть дополнен для лиц, желающих получить более подробную информацию о положениях закона, буклетом, распространенным в соответствующих органах в той же форме и в том же порядке, что и плакат.

Данный буклет также должен быть доступен в консульских учреждениях Франции за границей для внимания иностранцев, которые хотят приехать во Францию, на английском и арабском языках.

Эти два документа общего информирования также будут доступны в Интернете по адресу www.visage-decouvert.gouv.fr и дополнены на данном сайте разделом, содержащим дополнительные ответы на вопросы, связанные с применением закона.

(b) Информирование лиц, непосредственно затронутых запретом

Порядок информирования соответствующих лиц был подготовлен Министерством городов совместно с Министерством солидарности и социального единства и с Министерством внутренних дел.

Данный специальный план информирования, разъяснения и сопровождения имеет целью предоставить все возможности для диалога с целью побудить небольшое меньшинство лиц, которые скрывают свои лица, соблюдать запрет, установленный законодателем. Этот диалог не является переговорами, он призван путем объяснительной работы добиться того, чтобы соответствующие лица сами отказались от практики, которая противоречит ценностям Республики.

Этот план, по поводу которого Министерством городов были изданы отдельные инструкции, опирается, в частности, на ассоциации и местные организации по защите прав женщин, в частности, на сеть информационных центров по правам женщин (*centres d'information des droits des femmes – CDIFF*), на 300 “делегатов префекта” и “связных”, которые работают на месте. Также задействованы все работники в сфере социальной медиации, в частности, медиаторы в области государственного образования.

Цель состоит в том, чтобы предоставить людям, которые скрывают лица, полную информацию о законе и персонализированное сопровождение...».

D. ИНЫЕ ЦИРКУЛЯРЫ

32. 11 марта 2011 г. министр юстиции и свобод подписал циркуляр «О презентации положений, касающихся такого правонарушения, как сокрытие лица в общественных местах». Этот циркуляр был адресован генеральным прокурорам при апелляционных и нижестоящих судах, а также предоставлен для информации председателям апелляционных судов и судов высших инстанций (*tribunaux de grande instance*). В циркуляре разъясняется, что представляет собой такое правонарушение, как сокрытие лица в общественных местах. В нем так-

же содержатся указания относительно применения новых уголовных положений, касающихся политики государства в области выявления и преследования правонарушений и организации курсов гражданского обучения.

33. 31 марта 2011 г. министр по вопросам внутренних дел, заморских территорий, местного самоуправления и иммиграции направил префектам, комиссарам полиции и высоким комиссарам (заморских территорий) циркуляр с целью «предоставить инструкции должностным лицам [данного министерства] и, в частности, органам внутренней безопасности для применения Закона от 11 октября 2010 г.». В циркуляре содержатся, помимо прочего, указания относительно понятия «сокрытие лица» и мест, в которых применяется запрет, и подчеркивается, в частности, что в отношении лица, которое находится в месте богослужений для участия в религиозных обрядах, не требуется составлять протокол. Органам внутренней безопасности «рекомендуется... избегать любого вмешательства в непосредственной близости от мест богослужений, которое может быть воспринято как косвенное ограничение свободы вероисповедания».

Е. ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОЛЛЕГИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ КАССАЦИОННОГО СУДА ОТ 5 МАРТА 2013 Г.

34. В Кассационный суд была подана жалоба № 12–808091 на постановление суда г. Парижа от 12 декабря 2011 г., которым женщине, участвовавшей в манифестации против принятия Закона от 11 октября 2010 г., организованной перед Елисейским дворцом, и надевшей для этой цели полностью скрывающую лицо одежду, было назначено наказание в виде обязанности пройти курс гражданского обучения. Рассмотрев довод подательницы жалобы, основанный на статье 9 Конвенции, коллегия по уголовным делам в Постановлении от 5 марта 2013 г. указала следующее:

«...суд действительно несправедливо не принял во внимание религиозный подтекст рассматриваемой манифестации. Однако постановление суда не подлежит отмене по следующим причинам. Статья 9 Конвенции... гарантирует право на свободу мысли, совести и религии, а пункт 2 данной статьи гласит, что данная свобода подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц... Это как раз относится к закону, запрещающему полное сокрытие лица человека в общественных местах, поскольку целью данного закона является защита общественного порядка и общественной безопасности путем установления для любого, кто находится в общественном месте, обязанности показывать свое лицо...».

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

А. РЕЗОЛЮЦИЯ № 1743(2010) И РЕКОМЕНДАЦИЯ № 1927(2010) ПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ СОВЕТА ЕВРОПЫ И МНЕНИЕ КОМИССАРА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА СОВЕТА ЕВРОПЫ

1. Резолюция № 1743(2010) и Рекомендация № 1927(2010) Парламентской Ассамблеи Совета Европы об исламе, исламизме и исламофобии в Европе

35. В принятой 23 июня 2010 г. Резолюции № 1743 (2010) подчеркивается, в частности, следующее:

«...14. Напоминая о своей Рекомендации № 1461(2005) “Женщины и религия в Европе”, Ассамблея призывает все мусульманские общины отказаться от всех традиционных толкований ислама, отрицающих равенство полов и ограничивающих права женщин как в семье, так и в общественной жизни. Это несовместимо с человеческим достоинством и демократическими стандартами. Женщины имеют равные права с мужчинами во всех отношениях, и к ним необходимо относиться соответственно без каких-либо исключений. Дискриминация женщин независимо от того, лежат в ее основе религиозные традиции или нет, противоречит статьям 8, 9 и 14 Европейской конвенции о правах человека, статье Протокола № 7 к ней, а также Протоколу № 12 к Конвенции. Никакой культурный или религиозный релятивизм не может использоваться для оправдания посягательств на неприкосновенность личности. В связи с этим Парламентская Ассамблея настоятельно призывает государства-члены принять все необходимые меры для искоренения радикального исламизма и исламофобии, от которых в первую очередь страдают женщины.

15. В этой связи ношение женщинами скрывающей лицо одежды, в особенности скрывающей лицо, паранджи или никаба, часто воспринимается как символ подчинения женщины мужчине, снижающий роль женщины в обществе, ограничивающий ее профессиональную деятельность и препятствующий ее социальной и экономической активности. Ни ношение полностью скрывающей лицо одежды, ни даже ношение головного платка не считается всеми мусульманами обязательным для лиц, исповедующих ислам, но рассматривается многими как социальная и культурная традиция. Ассамблея полагает, что эта традиция может представлять угрозу для женского достоинства и свободы. Ни община, ни семья не должны принуждать женщин носить религиозную одежду. Любое давление, лишение свободы и насилие представляют собой преступление, за которое следует наказывать в соответствии с законом. Женщины, пострадавшие от таких преступлений, подлежат защите независимо от их статуса, а также должны пользоваться мерами по поддержке и реабилитации.

16. По этой причине законодательные органы ряда европейских стран рассматривают возможность введения запрета на ношение паранджи и никаба. Статья 9 Европейской конвенции о правах человека предусматривает право каждого на свободный выбор, носить или нет религиозную одежду в домашней обстановке или на людях. Установленные законом ограничения такой свободы могут быть оправданы, если они необходимы в демократическом обществе, в частности, в целях обеспечения безопасности или тогда, когда общественные или профессиональные обязанности требуют от выполняющих их лиц соблюдать религиозный нейтралитет или не закрывать лицо. Однако общий запрет на ношение паранджи и никаба лишает женщин, желающих делать это добровольно, права закрывать свое лицо.

17. Кроме того, полный запрет может привести к обратному эффекту: росту давления на женщин-мусульманок со стороны соплеменников и родственников, принуждающих их оставаться дома и ограничиваться общением только с другими женщинами. Женщины-мусульманки могут оказаться в еще большей изоляции, если они будут вынуждены покинуть учебные заведения, не посещать общественные места и уволиться с работы, расположенной вне пределов их общин, чтобы не нарушать своих семейных традиций. В этой связи Ассамблея призывает государства-члены разработать адресные политические меры, ставящие своей целью широкое информирование женщин-мусульманок об их правах, привлечение их к более активному участию в общественной жизни, предоставлению им равных возможностей заниматься профессиональной деятельностью и обрести социальную и экономическую независимость. В этом вопросе ключевую роль играет разъяснительная работа с молодыми женщинами-мусульманками, а также с их родителями и родственниками. Особенно важно устранить все формы дискриминации девушек и организовать обучение по вопросам гендерного равенства без стереотипов и на всех уровнях образовательной системы».

36. В своей Рекомендации № 1927 (2010), принятой в тот же день, Парламентская Ассамблея Совета Европы предъявляет к Комитету министров Совета Европы, в частности, следующие требования:

«...3.13. Призвать государства – члены Совета Европы не устанавливать общий запрет на ношение одежды, скрывающей лицо, или иной религиозной или специальной одежды, защищая при этом женщин от любого физического или психологического принуждения, а также защищая их право на свободный выбор – носить или нет религиозную или специальную одежду, и обеспечивая женщинам-мусульманкам равные возможности для участия в общественной жизни, получения образования и профессиональной деятельности; установленные законом ограничения такой свободы могут быть оправданы, если они необходимы в демократическом обществе, в частности, в целях безопасности или тогда, когда общественные или профессиональные обязанности требуют от выполняющих их лиц соблюдать религиозный нейтралитет или не закрывать лицо».

2. Мнение Комиссара по правам человека Совета Европы

37. Комиссар по правам человека Совета Европы опубликовал следующее «мнение» (*«Droits de l'homme en Europe: la complaisance n'a pas sa place. Points de vue de Thomas Hammerberg, Commissaire aux droits de l'homme du Conseil de l'Europe»*, Издательство Совета Европы, 2011 г., с. 44–48):

«Запрет на ношение паранджи и никаба не освобождает угнетенных женщин, но, напротив, может усилить их изоляцию в европейских обществах. Общий запрет полностью скрывающей лицо одежды будет являться ошибкой и будет посягать на личную жизнь. В зависимости от точной формулировки запрета он может, кроме того, представлять серьезные проблемы с точки зрения его совместимости с Европейской конвенцией о правах человека.

Данная дискуссия по поводу одежды затрагивает два права, гарантированные в Конвенции: право на уважение личной жизни (статья 8) и личной идентичности, а также право исповедовать свою религию или убеждения “в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов” (статья 9).

В этих двух статьях Конвенции уточняется, что гарантированные в них права не могут подвергаться иным ограничениям, чем те, которые предусмотрены законом и представляя собой меры, необходимые в демократическом обществе для общественной безопасности, охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

Сторонникам общего запрета ношения паранджи и никаба не удалось доказать, что эти предметы одежды тем или иным образом посягают на демократию и безопасность, на общественный порядок или нравственность. Их утверждения тем менее убедительны, что количество женщин, которые носят такую одежду, очень невелико.

Также невозможно доказать, что эти женщины в большей степени, чем другие, являются жертвами насилия. Те женщины, которые были опрошены средствами массовой информации, объяснили свой выбор одежды различными доводами религиозного, политического и личного характера. Конечно, некоторые из них могут подвергаться давлению, но ничто не указывает на то, что они бы благосклонно восприняли данный запрет.

Не вызывает сомнений тот факт, что статус женщины представляет собой серьезную проблему, которая является особо острой в некоторых религиозных группах и которую не следует игнорировать. Однако запрет одежды, которая является лишь признаком, указывающим на данную проблему, не поможет ее решить, тем более, что одежда не всегда является выражением религиозных убеждений, иногда она отражает более широкую культурную идентичность.

Решительные действия, направленные против любого порядка, который обязывает женщин носить подобную одежду, являются надлежащими и правильными. Данная практика является недопустимой и прямо нарушает упомянутые выше статьи Конвенции, но запрет такой же одежды в других странах не помогает ее преодолеть.

Необходимо оценить последствия решений, принимаемых в данной области. Например, предложение о введении запрета нахождения женщин с полностью закрытым лицом в государственных учреждениях, таких как больницы или администрации, может привести только к тому, что эти женщины не будут там больше появляться, что является абсолютно несправедливой ситуацией.

Вызывает сожаление то, что в Европе общественная дискуссия вокруг одежды женщин и последствий определенных предметов одежды в области подчинения женщин почти исключительно образом сконцентрировалась на мусульманском характере такой одежды, что создало впечатление, что под прицелом находилась определенная религия. Кроме того, были озвучены некоторые исключительно исламофобские аргументы, которые, без сомнения, помешали диалогу и поиску точек соприкосновения.

Вместе с тем данная ксенофобия явно привела к тому, что ношение скрывающей все тело одежды стало способом протеста против нетерпимости в наших обществах. Неуклюжая дискуссия о запрете определенных предметов одежды вызвала негативные реакции и привела к поляризации общественных мнений.

В целом государству следует избегать принятия законов по поводу дресс-кода, за исключением случаев, когда это четко предусмотрено в Конвенции. Тем не менее регламентация внешнего вида представителей государства, например, сотрудников полиции, является вполне правомерной. В некоторых случаях необходимо соблюдать полный нейтралитет, исключающий ношение символов религиозной или политической принадлежности. В других случаях многоэтническое и разнообразное общество может стремиться подчеркнуть и отразить свое разнообразие в одежде своих представителей.

Очевидно, что полное сокрытие лица может представлять собой проблему в некоторых ситуациях или при осуществлении определенных функций. Иногда общественный интерес требует открыть лицо по соображениям безопасности или для целей идентификации. Это бесспорно. Однако в отношении тех немногих женщин, которые носят паранджу или никаб, не было выявлено каких-либо серьезных проблем такого характера.

Похожая проблема обсуждалась в Швеции. Безработный мусульманин лишился пособия по безработице в связи с его отказом по религиозным мотивам пожать руку женщине, которая проводила с ним собеседование по вопросу поиска работы.

Суд, которому омбудсмен по борьбе с дискриминацией передал свои замечания, решил, что решение службы занятости было дискриминационным и что заявителю должна была быть выплачена компенсация. Несмотря на то, что данное решение соответствовало нормам в области прав человека, оно вызвало обсуждение и споры среди общественности.

Подобные проблемы, вероятно, будут возникать все чаще и чаще в ближайшем будущем. Хорошо, что они приводят к открытому обсуждению, при условии, что в нем нет места исламофобии. Тем не менее необходимо расширить данную дискуссию с целью способствовать пониманию людьми раз-

личных обычаев, культур и религий. Разнообразие и мультикультурализм являются и должны оставаться главными европейскими ценностями.

Это может требовать более глубоких размышлений по поводу смысла слова «уважение». В ходе дискуссии, связанной с публикацией предположительно антимусульманских карикатур в Дании в 2005 году, мы несколько раз слышали, что уважение верующих препятствовало защите свободы выражения мнения, гарантированной статьей 10 Европейской конвенции о правах человека.

Страсбургский суд проанализировал данный вопрос в известном деле «Отто-Премингер-Институт против Австрии», в котором он указал, что «у тех, кто открыто выражает свое религиозное вероисповедание... отсутствуют разумные основания ожидать, что они останутся вне критики. Они должны проявлять терпимость и мириться с тем, что другие лица отрицают их религиозные убеждения и даже распространяют учения, враждебные их вере» (см. Постановление Европейского Суда по делу . (Otto-Preminger-Institute v. Austria) от 20 сентября 1994 г., жалоба № 13470/87, § 47).

В том же Постановлении Европейский Суд указал, что необходимо также принимать во внимание риск того, что право верующих, как и любых других лиц, на уважение их мнения может быть нарушено вследствие провокационного изображения объектов религиозного культа. Европейский Суд счел, что «подобное изображение может рассматриваться как злонамеренное нарушение духа терпимости, который является отличительной чертой демократического общества».

С политической точки зрения, трудность для Европы заключается в том, чтобы способствовать разнообразию и уважению вероисповеданий и одновременно защищать свободу выражения мнения. Если ношение полностью скрывающей лицо одежды рассматривается как выражение определенной точки зрения, то возникает вопрос о возможном конфликте между двумя похожими или идентичными правами, пусть и рассматриваемыми с абсолютно различных точек зрения.

Европа стремится защищать традиции толерантности и демократии. Когда отдельные лица или группы лиц противопоставлены друг другу в результате конфликта по поводу их прав, нельзя воспринимать ситуацию негативно, но надо видеть в ней разнообразие многочисленных решений и искать пути выхода, которые учитывают права всех заинтересованных сторон.

С моей точки зрения, запрет ношения паранджи и никаба будет такой же плохой мерой, какой было бы осуждение датских карикатур. Он не соответствовал бы европейским ценностям. Постараемся лучше способствовать мультикультурному диалогу и соблюдению прав человека».

В. КОМИТЕТ ООН ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

38. В своем Замечании общего порядка от 20 июля 1993 г. № 22 относительно статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах («Право на свободу мысли, совести

и религии») Комитет ООН по правам человека подчеркнул следующее:

«...4. Свобода исповедовать религию или убеждения может осуществляться “как единолично, так и сообща с другими лицами публичным или частным порядком”. Свобода исповедовать свою религию или убеждения при богослужениях, выполнении религиозных или ритуальных обрядов и учений охватывает весьма широкую сферу действий... Соблюдение и исповедование религии или убеждений могут заключаться не только в осуществлении обрядов, но и в следовании таким обычаям, как... ношение отличительной одежды или головных уборов...»

8. Согласно пункту 3 статьи 18 свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые установлены законом и необходимы для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод. Свобода от принуждения иметь или принимать религию или убеждения и свобода родителей и опекунов обеспечивать религиозное или нравственное образование не подлежат ограничениям. При толковании сферы действия положений, касающихся допустимых ограничений, государства-участники должны исходить из необходимости защиты прав, гарантированных в Пакте, включая право на равенство и свободу от дискриминации в какой бы то ни было форме, закрепленное в статьях 2, 3 и 26. Ограничения должны устанавливаться законом и применяться таким образом, чтобы не наносить ущерба правам, гарантированным в статье 18 Пакта. Комитет отмечает, что положения пункта 3 статьи 18 Пакта должны толковаться строго: не признаются никакие основания для установления ограничений, кроме тех, которые конкретно предусмотрены, даже если такие ограничения разрешаются в отношении других прав, защищаемых Пактом, в частности, по соображениям государственной безопасности. Ограничения могут устанавливаться лишь для тех целей, для которых они предназначены, и должны быть прямо связаны с конкретной целью, достижение которой ими преследуется, и быть ей соразмерны. Ограничения не могут устанавливаться в дискриминационных целях или применяться дискриминационным образом. Комитет отмечает, что понятие нравственности складывается на основе многих общественных, философских и нравственных традиций, и, следовательно, установление ограничений на свободу исповедовать религию или убеждения в целях защиты нравственности не должно основываться на принципах, вытекающих исключительно из одной-единственной традиции. Лица, в отношении которых применяются некоторые установленные законом ограничения, например, заключенные, продолжают пользоваться своими правами исповедовать религию или убеждения максимально полным образом, совместимым с конкретным характером ограничения. В докладах государств-участников должна содержаться информация, касающаяся полного объема и последствий ограничений, устанавливаемых в соответствии с пунктом 3 статьи 18 Пакта, как с точки зрения закона, так и с точки зрения их применения в конкретных условиях...».

Комитет ООН по правам человека также указал в своем Замечании общего характера от 29 марта

2000 г. № 28 относительно статьи 3¹ («Равенство между мужчинами и женщинами») следующее:

«...13. Государствам-участникам необходимо представлять информацию о любых специфических правилах в отношении того, каким образом женщины должны быть одеты в общественных местах. Комитет подчеркивает, что подобные правила могут быть сопряжены с нарушением ряда прав, гарантированных Пактом, включая статью 26 о недискриминации, статью 7, если за несоблюдение таких требований полагается телесное наказание, статью 9, если несоблюдение этих правил карается арестом, статью 12, если это влечет за собой ограничение свободы передвижения, статью 17, которая гарантирует для всех защиту частной жизни от произвольного или незаконного вмешательства, статьи 18 и 19, если предъявляемые к женщине требования в отношении одежды не соответствуют ее религии или праву на самовыражение, и, наконец, статью 27, если правила в отношении одежды вступают в противоречия с культурными традициями, выразителем которых может быть такая женщина...».

Комитет ООН по правам человека также принял Замечания общего характера о свободе передвижения №№ 27 и 34 о свободе мнений и их выражения.

39. Кроме того, Комитет ООН по правам человека рассмотрел несколько дел, в которых заявители обличали меры, ограничивающие ношение предметов одежды или знаков, имеющих религиозные признаки. Например, «при отсутствии обоснования со стороны государства-участника» он пришел к выводу о нарушении пункта 2 статьи 18 Пакта в деле об исключении из университета студентки в связи с ее отказом снять хиджаб (платок), который она носила в соответствии с ее вероисповеданием (дело «Райхон Худойберганова против Узбекистана» (Raihon Hudoyberganova v. Uzbekistan) от 18 января 2005 г., коммуникация № 931/2000). Однако Комитет ООН по правам человека еще не рассматривал вопрос о полном запрете ношения полностью скрывающей лицо одежды в общественных местах.

IV. СИТУАЦИЯ В ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

40. На настоящий момент только власти Бельгии приняли закон, который сравним с Законом Франции от 11 октября 2010 г., и Конституционный суд Бельгии признал его совместимым с правом на свободу мысли, совести и вероисповедания (см. ниже §§ 41–42). Вместе с тем вопрос о введении запрета на сокрытие лица в общественных местах обсуждался или обсуждается в нескольких европейских государствах. В некоторых из этих стран рассматривается возможность введения полного запрета

¹ Так в тексте. По-видимому, имеется в виду статья 3 Международного пакта о гражданских и политических правах (примеч. редактора).

та. В частности, в Италии с этой целью был разработан законопроект, хотя еще не принятый, и обсуждение которого представляется по-прежнему открытым. В Швейцарии в сентябре 2012 года Федеральная ассамблея отклонила инициативу кантона Аргау (*Aargau*) о запрете ношения в общественных местах одежды, скрывающей лицо полностью или в большей части, однако в кантоне Тичино (*Ticino*) 23 сентября 2013 г. за такой запрет проголосовали граждане (данный текст, тем не менее, еще должен получить одобрение Федеральной ассамблеи). Этот вариант также обсуждается в Нидерландах, несмотря на отрицательные заключения Государственного совета по данному поводу (см. ниже §§ 49–52). Необходимо также отметить, что Верховный суд Испании высказался о законности подобного запрета (см. ниже §§ 42–47).

А. ЗАКОН БЕЛЬГИИ ОТ 1 ИЮНЯ 2011 Г. И ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА БЕЛЬГИИ ОТ 6 ДЕКАБРЯ 2012 Г.

41. Закон «с целью запретить ношение любой одежды, скрывающей лицо полностью или в основном», был принят в Бельгии 1 июня 2011 г. Данным законом в Уголовный кодекс было введено следующее положение:

«Статья 563bis

Если иное не предусмотрено законом, присутствие в местах, доступных для общественности, с лицом, замаскированным или закрытым полностью или частично таким образом, что становится невозможной идентификация личности, наказывается штрафом в размере от пятнадцати до двадцати пяти евро и лишением свободы на срок от одного до семи дней, либо одним из этих двух наказаний.

Однако абзац первый не применяется к лицам, которые находятся в местах, доступных для общественности, с лицом, замаскированным или закрытым полностью или частично таким образом, что становится невозможной идентификация личности, на основании трудового регламента или распоряжения полиции по случаю праздничных манифестаций».

42. На данный закон была подана жалоба в Конституционный суд с целью отмены закона на основании, в частности, статьи 9 Конвенции. Конституционный суд Бельгии оставил жалобу без удовлетворения в Постановлении от 6 декабря 2012 г., указав, в частности, следующее:

«...В.17. Из изложения законодательной инициативы, которая легла в основу оспариваемого закона следует... что законодатель стремился защитить модель общества, в котором статус индивида ставится выше его философской, культурной и религиозной принадлежности с целью способствовать всеобщей интеграции и тому, чтобы граждане разделяли общее достояние основополагающих ценностей, которыми являются право

на жизнь, право на свободу совести, демократия, равенство мужчин и женщин, а также отделение церкви от государства...

...В документах по подготовке закона упоминаются три цели, которые он преследует: общественная безопасность, равенство между мужчинами и женщинами и определенная концепция “совместного проживания” в обществе.

В.18. Такие цели являются правомерными и относятся к категории тех, которые перечислены в статье 9 Конвенции... охрана общественной безопасности и общественного порядка, защита прав и свобод других лиц.

В.19. Суд также должен выяснить, выполнены ли необходимые условия в демократическом обществе и соблюдены ли требования соразмерности по отношению к преследуемым правомерным целям.

В.20. Из документов по подготовке оспариваемого закона следует, что запрет ношения скрывающей лицо одежды был продиктован, в частности, причинами защиты общественной безопасности. В этой связи данные документы упоминают о совершении правонарушений лицами, чье лицо было скрыто...

В.20.2. Пункт 1 статьи 34 Закона от 5 августа 1992 г. о функциях полиции наделяет должностных лиц полиции полномочиями по проверке личности любого лица, если у них есть разумные основания предполагать, в зависимости от поведения лица, существенных признаков или обстоятельств места и времени, что данное лицо разыскивается, что оно пыталось совершить правонарушение либо готовится его совершить, что оно нарушило общественный порядок или может это сделать. Такая проверка личности может быть затруднена, если лицо у человека закрыто и он отказывается сотрудничать. Как правило, человека с закрытым лицом невозможно или трудно опознать в случае совершения им правонарушений или нарушений им общественного порядка.

В.20.3. Если рассматриваемое явление еще не приобрело такого масштаба, который мог бы угрожать общественному порядку или безопасности, это не означает, что законодатель не может осуществлять свое вмешательство. Законодателя нельзя упрекать за своевременное реагирование на такой риск путем введения наказаний за действия, в отношении которых установлено, что их расширение приведет к реальной опасности.

В.20.4. С учетом вышеизложенного законодатель мог прийти к выводу о том, что запрет сокрытия лица в местах, доступных для общественности, являлся необходимым исходя из соображений общественной безопасности.

В.21. Законодатель также обосновал свое вмешательство определенной концепцией “совместного проживания” в обществе, основанном на фундаментальных ценностях, которые, по его мнению, с ней связаны.

Индивидуальность любого субъекта права (*sujet de droit*) в демократическом обществе нельзя представить без возможности видеть его или ее лицо, что является фундаментальным элементом

такой индивидуальности. С учетом основных ценностей, которые стремится защитить законодательный орган, он счел, что присутствие в публичных местах, которые относятся главным образом к общественной жизни, лиц, у которых данный фундаментальный аспект индивидуальности скрыт, делает невозможным установление межличностных отношений, необходимых для жизни в обществе. Если плюрализм и демократия подразумевают свободу выражать свои убеждения, в частности, путем ношения религиозных символов, государство должно следить за условиями их ношения и за последствиями, которые могут вызвать такие действия. Поскольку сокрытие лица влечет за собой лишение субъекта права, члена общества, любой возможности визуальной индивидуализации, в то время как такая индивидуализация является фундаментальным условием, связанным с самой ее сущностью, запрет ношения в общественных местах подобной одежды, даже если она является выражением религиозных убеждений, отвечает насущной общественной необходимости в демократическом обществе.

V.22. В отношении достоинства женщин законодатель также отметил, что фундаментальные ценности демократического общества противостоят принуждению женщин к сокрытию лица под давлением членов семьи или общины и связанному с этим лишению женщин против их воли свободы самоопределения.

V.23. Однако... ношение полностью скрывающей лицо одежды может соответствовать выражению религиозного выбора. Данный выбор может быть обусловлен различными причинами, имеющими разное символическое значение.

Даже когда ношение полностью скрывающей лицо одежды является результатом осознанного выбора женщины, равенство полов, которое законодатель справедливо считает основополагающей ценностью демократического общества, оправдывает противодействие со стороны государства, в публичной сфере, проявлению религиозных убеждений путем действий, несовместимых с принципом равенства между мужчиной и женщиной. Как указано в пункте V.21, ношение полностью скрывающей лицо одежды лишает женщин, на которых только и распространяется такое предписание, основополагающего элемента их индивидуальности, необходимого для жизни в обществе и установления социальных связей.

V.24. Суд должен также проверить, не имеет ли использование санкций уголовного характера с целью гарантировать соблюдение запрета, предусмотренного законом, несоразмерных последствий по отношению к преследуемым целям.

V.25. Спорное положение было введено в раздел Уголовного кодекса о мелких правонарушениях четвертого класса и предусматривает наказание в виде штрафа в размере от 15 до 25 евро и лишение свободы на срок от одного до семи суток или одной из этих мер.

Согласно статьям 564 и 565 Уголовного кодекса, если в течение 12 предшествующих месяцев правонарушитель уже был осужден за аналогичное правонарушение, суд может назначить, независимо от штрафа, наказание в виде лишения свободы на срок до 12 суток.

Статья 566 Уголовного кодекса также допускает снижение размера штрафа до одного евро при наличии смягчающих обстоятельств...

V.28. Поскольку индивидуализация человека, фундаментальным элементом которой является лицо, представляет собой наиважнейшее условие функционирования демократического общества, субъектом прав в котором является каждый член общества, законодатель счел, что сокрытие лица может угрожать функционированию общества, организованного таким образом, и, следовательно, должно подлежать уголовному наказанию.

V.29.1. Без ущерба для положений, изложенных выше в п. V.30, оспариваемая мера, адресованная тем, кто свободно и добровольно скрывает свои лица в доступных для публики местах, не имеет несоразмерных последствий по отношению к преследуемым целям, поскольку законодатель сделал выбор в пользу наименее строгого вида уголовного наказания. Тот факт, что наказание может быть более строгим в случае рецидива, не изменяет данного заключения. Законодатель решил, что правонарушитель, осужденный за уголовно наказуемое деяние, не будет повторять его под угрозой применения более строгого наказания.

V.29.2. Кроме того, необходимо отметить, что относительно лиц, скрывающих лицо в результате принуждения, статья 71 Уголовного кодекса предусматривает, что отсутствует состав преступления, если правонарушение было совершено в результате применения силы, которой невозможно было сопротивляться.

V.30. В оспариваемом законе предусмотрено уголовное наказание в отношении любого человека, чье лицо замаскировано или скрыто полностью либо частично таким образом, который делает невозможной идентификацию личности, когда речь идет об общественных местах. Было бы неразумно полагать, что к данным местам относятся места, предназначенные для совершения богослужений. Ношение одежды, соответствующей выражению того или иного религиозного выбора, например, скрывающей лицо, в подобных местах не может являться предметом ограничений. В противном случае это будет несоразмерным образом посягать на свободу исповедовать свои религиозные убеждения.

V.31. При данном толковании [приведенный довод является необоснованным]...».

В. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СУДА ИСПАНИИ ОТ 6 ФЕВРАЛЯ 2013 Г.

43. 8 октября 2010 г. мэрия (*Ayuntamiento*) г. Лерида (*Lérida*), как и мэрии других городов, приняла поправки к общему муниципальному регламенту о гражданских правах и обязанностях и совместном проживании (*ordenanza municipal de civismo y convivencia*), в соответствии с которыми специальные регламенты (*reglamentos*) могли ограничивать или запрещать доступ к местам или муниципальным помещениям, предназначенным для предоставления государственных услуг, лицам в полностью скрывающей лицо одежде, в лыж-

ных масках, полностью скрывающих лицо шлемах и иных предметах одежды или аксессуаров, которые затрудняют или препятствуют идентификации и визуальной коммуникации. В тот же день были внесены соответствующие изменения в специальные регламенты, касавшиеся муниципальных архивов, муниципальных помещений и общественного транспорта.

44. Ссылаясь, *inter alia*, на статью 16 Конституции, гарантирующую право на свободу мнения, вероисповедания и отправления обрядов, и на статью 9 Конвенции, одна ассоциация безуспешно пыталась добиться отмены данных актов в Верховном суде Каталонии.

45. Рассмотрев дело в кассационной инстанции, Верховный суд Испании отменил постановление Верховного суда Каталонии и изменения, внесенные в общий муниципальный регламент и в специальные регламенты, касавшиеся муниципальных архивов и муниципальных помещений.

46. В постановлении от 6 февраля 2013 г. № 693/2013 (жалоба № 4118/2011) Верховный суд Испании напомнил прежде всего о том, что в конституционном праве Испании основные права могут быть ограничены только законом в узком смысле этого слова.

47. Верховный суд Испании решил, что Верховный суд Каталонии пришел к неправильному выводу о том, что спорные ограничения преследовали правомерные цели и были необходимы в демократическом обществе, пояснив при этом, что в его намерения не входило предвосхищать возможное вмешательство со стороны законодателя. По первому пункту Верховный суд Испании отметил, что, в отличие от выводов Верховного суда Каталонии, нельзя считать «правомерными целями» защиту «общественного спокойствия», «общественной безопасности» или «общественного порядка» в той мере, в какой не было доказано, что ношение полностью скрывающей лицо одежды посягает на данные интересы. Верховный суд Испании указал, что аналогичный вывод касается и «защиты прав и свобод других лиц», поскольку термин «другие» относится не к лицу, которое сталкивается с вмешательством в осуществление права на свободу вероисповедания, а к третьим лицам. По второму пункту Верховный суд Испании выразил несогласие с мнением Верховного суда Каталонии, согласно которому независимо от того, является ли оно добровольным, ношение полностью скрывающей лицо одежды не отвечает принципу равенства между мужчинами и женщинами, который относится к числу ценностей демократических обществ. Верховный суд Испании решил, что добровольный или нет характер ношения полностью скрывающей лицо одежды является определяющим, поскольку невозможно ограничивать конституционную свободу, основываясь на предположении о том, что все женщины, которые носят

подобную одежду, подвергаются принуждению. На этом основании он пришел к выводу, что оспариваемые ограничения не могут считаться необходимыми в демократическом обществе. Наконец, ссылаясь на научные исследования, Верховный суд Испании указал, что запрет ношения полностью скрывающей лицо одежды приведет к изоляции женщин, которых он затрагивает, и к дискриминации по отношению к ним, соответственно, он будет несовместим с целью социальной интеграции появившихся в результате иммиграции групп.

48. Вместе с тем Верховный суд Испании указал, что изменение специального регламента, касавшегося общественного транспорта, не подлежало отмене. Он отметил, что изменения лишь вводили обязательство для пассажиров, пользовавшихся проездными по льготному тарифу, идентифицировать себя в разовом порядке, что не являлось ограничением основных прав.

С. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА НИДЕРЛАНДОВ ОТ 28 НОЯБРЯ 2011 Г.

49. Государственный совет Нидерландов вынес четыре отрицательных заключения по четырем различным законопроектам или законодательным инициативам, которые в той или иной мере затрагивали вопрос о запрете ношения полностью скрывающей лицо одежды в общественных местах. Первое заключение от 21 сентября 2007 г. касалось законодательной инициативы по введению явного запрета ношения паранджи, второе, от 6 мая 2008 г. (не было опубликовано), касалось законодательной инициативы по установлению запрета на ношение полностью скрывающей лицо одежды, третье, от 2 декабря 2009 г. (не было опубликовано), было связано с законопроектом о введении запрета ношения подобной одежды в школьных учреждениях. Четвертое заключение, принятое 28 ноября 2011 г. и опубликованное 6 февраля 2012 г., имело отношение к законопроекту о введении запрета ношения в общественных местах и местах, доступных для публики (за исключением тех, которые были предназначены для целей религиозного характера), полностью скрывающей лицо одежды, оставляющей открытыми только глаза или не позволяющей идентифицировать человека, под угрозой уголовного наказания.

50. Власти Нидерландов оправдывали последний законопроект необходимостью гарантировать открытое общение, имеющее важное значение для социального взаимодействия, обеспечения безопасности и «чувства безопасности» (*veiligheidsgevoel*) публики, а также целей содействия равенству между мужчинами и женщинами.

51. В своем заключении от 28 ноября 2011 г. Государственный совет указал, во-первых, что он не был убежден в полезности и необходимости данного запрета. Он отметил, что власти Нидерландов

не уточнили, почему ношение полностью скрывающей лицо одежды являлось фундаментальным противоречием по отношению к «общественному порядку» (*maatschappelijke orde*), не доказали наличие насущной общественной необходимости (*dringende maatschappelijke behoefte*), которая оправдывала бы введение общего запрета, и не указали, почему действующее законодательство, предусматривавшее отдельные запреты, до того момента считавшиеся надлежащими, более не являлось достаточным, и не объяснили, почему ношение такой одежды, которое может быть обосновано религиозными мотивами, должно было относиться к сфере действия уголовного права. Что касается довода о равенстве мужчин и женщин, Государственный совет Нидерландов отметил, что правительству не следует создавать препятствия для осуществления тем или иным лицом выбора в пользу ношения паранджи или никаба по религиозным причинам, и что данный выбор должны делать сами женщины, которых это касается. Он добавил, что общий запрет не будет иметь какой-либо пользы, если его целью является борьба с теми лицами, кто принуждает других носить паранджу или никаб. Наконец, Государственный совет Нидерландов отметил, что субъективное чувство опасности не может обосновывать общий запрет под предлогом защиты общественной безопасности или публичного порядка (*de maatschappelijke of de openbare orde*).

52. Государственный совет Нидерландов также указал, что ввиду вышеизложенного законопроект не был совместим с правом на свободу вероисповедания. По его мнению, общий запрет ношения скрывающей лицо одежды не отвечал насущной общественной потребности и, таким образом, не был необходим в демократическом обществе.

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ВЛАСТЕЙ ФРАНЦИИ

A. СТАТУС ЖЕРТВЫ

53. Власти Франции высказывали сомнения в том, что заявительница имела статус жертвы. Они подчеркивали в этой связи, что она не представила доказательств своего мусульманского вероисповедования и того, что она хотела носить полностью скрывающую лицо одежду по религиозным причинам. Заявительница также не утверждала, что в отношении нее был, по крайней мере, составлен протокол по факту ношения полностью скрывающей лицо одежды в общественных местах, и не представила доказательств того, что она носила подобную одежду до вступления в силу закона. Власти Франции также ставили под сомнение степень серьезности для заявительницы последствий

данного запрета с учетом ее утверждений о том, что она воздерживалась от ношения полностью скрывающей лицо одежды на публике в случае наличия практических препятствий для этого, в процессе осуществления ею профессиональной деятельности или когда она хотела встретиться с другими людьми в общественных местах и носила подобную одежду только тогда, когда того требовали ее внутреннее мироощущение и религиозные чувства. По мнению властей Франции, жалоба заявительницы относилась к числу *actio popularis*. Они добавили, что понятие «потенциальная жертва» ставило под угрозу обязанность исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты и что чрезмерное применение данного понятия на практике могло иметь дестабилизирующие последствия для конвенционной системы: это противоречило бы намерениям составителей Конвенции и значительно увеличило бы количество потенциальных заявителей. Власти Франции считали, что, если в некоторых случаях исключительные обстоятельства могут приниматься Европейским Судом во внимание, чтобы расширить понятие «жертва», это не должно приводить к пересмотру принципа, согласно которому только те лица, чьи права были действительно затронуты, могут претендовать на статус жертвы.

54. Заявительница считала, что она относилась к категории «потенциальных жертв». Она напомнила, в частности, в этой связи, что в Постановлениях Европейского Суда по делам «Даджен против Соединенного Королевства» (*Dudgeon v. United Kingdom*) от 22 октября 1981 г., жалоба № 7525/76, «Норрис против Ирландии» (*Norris v. Ireland*) от 26 октября 1988 г., жалоба № 10581/83, и «Модинос против Кипра» (*Modinos v. Cyprus*) от 22 апреля 1993 г., жалоба № 15070/89, Европейский Суд признал гомосексуалистов жертвами по причине самого существования законов, устанавливающих уголовное наказание за добровольные однополые отношения, на основании того, что выбор, перед которыми они были поставлены, заключался в том, чтобы либо воздерживаться от запрещенных действий, либо подвергаться риску уголовного преследования, даже с учетом того, что эти законы редко применялись на практике. Заявительница отметила, что в деле «S.L. против Австрии» (*S.L. v. Austria*) (Постановление от 9 января 2003 г., жалоба № 45330/99) Европейский Суд признал статус жертвы за 17-летним молодым человеком, который жаловался на положения законодательства, запрещающие гомосексуальные связи между совершеннолетними и несовершеннолетними, несмотря на то, что уголовному преследованию подвергались только совершеннолетние лица и что в данном деле уголовное преследование вообще не имело места.

Заявительница подчеркивала, что религия являлась важным элементом ее жизни, что она активно

исповедовала ислам и что ношение одежды, скрывающей лицо, имело для нее важное значение. Она отмечала, что не понимает требование властей Франции о представлении ею доказательств того, что она является мусульманкой и хочет носить никаб по религиозным причинам. Она указала, что у нее не было каких-либо доказательств этого, и отметила, что было бы странно в вышеупомянутых делах требовать от заявителей представления доказательств их сексуальной ориентации. Заявительница добавила, что не вызывал сомнений тот факт, что ислам предполагал определенную идеологию, которая требовала от женщин закрывать лицо в общественных местах, и что из прецедентной практики Европейского Суда следовало, что у властей государства-ответчика не было права оценивать правомерность того, каким образом заявительница исповедовала свою религию. По словам заявительницы, даже если предположить, что можно было сомневаться в том, что она носила полностью скрывающую лицо одежду до вступления в силу закона, она являлась его жертвой, поскольку он запрещал под угрозой наказания носить на публике такую одежду, когда того хотела заявительница: она являлась жертвой непосредственно в связи с тем фактом, что была верующей мусульманкой, которая закрывала лицо в общественных местах.

55. Европейский Суд отмечает, что данное исключение касается прежде всего статуса жертвы заявительницы с точки зрения статьи 9 Конвенции. Он напоминает в этой связи, что право на свободу мысли, совести и религии, как оно гарантировано в статье 9 Конвенции, применяется лишь к тем убеждениям, которые достигают определенной степени силы, серьезности, последовательности и важности. Как только это условие выполнено, обязанность властей государства-ответчика по соблюдению нейтральности и беспристрастности является несовместимой с любыми оценками государства в отношении правомерности религиозных убеждений или того, каким образом они выражаются (см. Постановление Европейского Суда по делу «Эвейда и другие против Соединенного Королевства» (*Eweida and Others v. United Kingdom*) от 15 января 2013 г., жалобы №№ 48420/10, 59842/10, 51671/10 и 36516/10, § 81, а также приведенные в нем примеры).

Верно также утверждение о том, что действие, вдохновленное, мотивированное или определенное религией или убеждениями, является их «исповедованием» по смыслу статьи 9 Конвенции только тогда, когда оно тесно связано с соответствующими религией или убеждениями. Это относится, например, к культовым или религиозным обрядам, связанным с религиозной практикой или убеждениями в общепризнанной форме. Однако «исповедование» религии или убеждение не ограничивается действиями такого типа: наличие достаточно

тесной и непосредственно причинно-следственной связи между действием и убеждением, которое лежит в его основе, должно быть установлено с учетом обстоятельств конкретного дела. В частности, от лица, которое утверждает, что то или иное действие относится к его или ее праву на свободу исповедовать свою религию или убеждения, не требуется доказывать, что данное лицо действовало согласно требованиям соответствующей религии (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эвейда и другие против Соединенного Королевства», § 82, а также приведенные в нем примеры).

56. Таким образом, нельзя требовать от заявительницы ни представления доказательств того, что она является мусульманкой, ни доказательств того, что ношение одежды, скрывающей лицо, предписано ей ее религией. Утверждения заявительницы по этому поводу являются достаточными, поскольку не вызывает сомнений тот факт, что речь идет о некоторых мусульманках, о способе жизни в соответствии с их религией и что это может расцениваться как «отправление религиозных обрядов» по смыслу пункта 1 статьи 9 Конвенции. То обстоятельство, что данный способ отправления религиозных обрядов является миноритарным (см. выше § 16), не имеет значения для его юридической квалификации.

57. Кроме того, заявительница по общему признанию не утверждала, что была осуждена, или что в отношении нее были проведена проверка или составлен протокол в связи с тем, что она носила полностью скрывающую лицо одежду в общественных местах. Однако частное лицо может утверждать, что положения законодательства нарушают его права, в условиях отсутствия индивидуальных актов его исполнения и что оно, таким образом, является «жертвой» по смыслу статьи 34 Конвенции, если оно вынуждено менять свои действия под угрозой наказания или если оно относится к категории людей, которые могут непосредственно на себе испытывать последствия применения данного законодательства (см., в частности, Постановление Европейского Суда по делу «Маркс против Бельгии» (*Marckx v. Belgium*) от 13 июня 1979 г., жалоба № 6833/74, § 27, Постановление Европейского Суда по делу «Джонстон и другие против Ирландии» (*Johnston and Others v. Ireland*) от 18 декабря 1986 г., жалоба № 9697/82, § 42, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Норрис против Ирландии», § 31, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Берден против Соединенного Королевства» (*Burden v. United Kingdom*) от 29 апреля 2004 г., жалоба № 13378/05, § 34, и Постановление Европейского Суда по делу «Мишо против Франции» (*Michaud v. France*) от 6 декабря 2012 г., жалоба № 12323/11, §§ 51–52). Таков, с точки зрения Закона от 11 октября 2010 г., слу-

чай женщин, которые, как заявительница, проживают во Франции и хотят носить полностью скрывающую лицо одежду по религиозным причинам. Следовательно, они были поставлены перед выбором, сравнимым, *mutatis mutandis*, с тем, о котором шла речь в упоминавшихся выше Постановлениях Европейского Суда по делам «Даджен против Соединенного Королевства» (§ 41) и «Норрис против Ирландии» (§§ 30–34): либо они подчиняются запрету и отказываются от ношения одежды, соответствующей их пониманию своей религии, либо они не подчиняются запрету и рискуют подвергнуться уголовному наказанию (см. также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мишо против Франции», § 52).

58. Следовательно, предварительное возражение властей Франции подлежит отклонению.

В. ИСЧЕРПАНИЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

59. Власти Франции утверждали, что ввиду отсутствия разбирательства на внутригосударственном уровне необходимо прийти к выводу о неприемлемости жалобы для рассмотрения по существу в связи с неисчерпанием внутригосударственных средств правовой защиты.

60. Заявительница напомнила, что заявители не обязаны исчерпывать средства правовой защиты, которые являются неэффективными или бесполезными.

61. По мнению Европейского Суда, данный вопрос не имеет значения в контексте правовой системы Франции, поскольку Европейский Суд пришел к выводу, что заявительница может утверждать, что она является жертвой в отсутствие принятия индивидуальных мер. В дополнение к этому Европейский Суд отмечает, что, если жалобы заявительницы действительно не были предварительно рассмотрены судами Франции в рамках инициированных заявительницей производств, 7 октября 2010 г. Конституционный совет положительно ответил на вопрос о совместимости закона, в частности, с принципом свободы вероисповедания (см. выше § 30). Коллегия по уголовным делам Кассационного суда Франции также высказалась по этому поводу: в Постановлении от 5 марта 2013 г., вынесенном в рамках производства, в котором заявительница не участвовала, она отклонила довод, основанный на статье 9 Конвенции, по причине того, что целью Закона от 11 октября 2010 г., в соответствии со вторым пунктом данной статьи, является «защита общественного порядка и общественной безопасности путем установления для любого, кто находится в общественном месте, обязанности показывать свое лицо» (см. выше § 34). В этом постановлении можно усмотреть указание на то, что, если бы заявительница была осуждена

на основании данного закона и затем подала бы кассационную жалобу по причине предполагаемого нарушения статьи 9 Конвенции, ее жалоба была бы оставлена без удовлетворения. Таким образом, предварительное возражение подлежит отклонению.

С. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ НА ПОДАЧУ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЖАЛОБЫ

62. Власти Франции критиковали «ненадлежащее использование права подачи индивидуальной жалобы». Они подчеркивали, что в настоящем деле речь идет «об абсолютно бессодержательной аргументации, представленной непосредственно в день вступления в силу запрета заявительницей, в отношении которой не было осуществлено хоть сколько-нибудь значимых процессуальных действий на внутригосударственном уровне и о которой неизвестно ничего, за исключением того, что она сама утверждает по поводу своих религиозных убеждений и их выборочной реализации в ее действиях». Власти Франции отметили также, что адвокатами из Соединенного Королевства, которые представляют заявительницу, были поданы две другие жалобы, схожие с настоящей, как по существу, так и по форме. Власти Франции полагали «возможным поставить вопрос о реальной серьезности дела», добавив, что «оно [выходило] за рамки обычного осуществления права на подачу индивидуальной жалобы» и представляло собой *actio popularis*.

63. По мнению заявительницы, данный довод должен быть отклонен на тех же основаниях, как и довод о том, что она не могла претендовать на статус жертвы.

64. Представляется, что власти Франции полагали, что заявительница является фиктивным лицом. Европейский Суд принимает во внимание замечания по этому поводу. Однако он подчеркивает, что его Секретариат проверил имя и адрес заявительницы, которые указаны в формуляре жалобы, и убедился в том, что адвокаты, которые его составляли, представили доверенности, подписанные заявительницей.

65. В остальном Европейский Суд считает, что следует рассмотреть довод властей Франции по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции, в соответствии с которым Европейский Суд объявляет неприемлемой для рассмотрения по существу любую жалобу, если он сочтет, что она является «злоупотреблением правом на подачу индивидуальной жалобы».

66. В этой связи Европейский Суд напоминает, что применение данного положения является «исключительной процессуальной мерой» и что понятие «злоупотребление» должно пониматься в его обычном смысле, а именно как факт осуществления субъектом своих прав за пределами их цели образом, причиняющим ущерб заявителям

(см. Постановление Европейского Суда по делу «Миролюбовс и другие против Латвии» (*Miroļubovs and Others v. Latvia*) от 15 сентября 2009 г., жалоба № 798/05, § 62).

В этой связи Европейский Суд отмечает, что для того, чтобы установить факт «злоупотребления» со стороны заявителя, необходимо наличие не только явного несоответствия цели, для которой соответствующее право было предоставлено, но и определенных препятствий для надлежащего функционирования Европейского Суда или для нормального хода производства по рассматриваемому им делу (см. *ibid.*, § 65).

67. Европейский Суд применял данное положение Конвенции в четырех случаях (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Миролюбовс и другие против Латвии», §§ 62–66). Во-первых, в случае жалоб, которые преднамеренно основывались на ложных сведениях с целью ввести Европейский Суд в заблуждение (см. Постановление Европейского Суда по делу «Варбанов против Болгарии» (*Varbanov v. Bulgaria*) от 5 октября 2000 г., жалоба № 31365/96, § 36), независимо от того, имела ли место подделка документов (см., например, Решение Европейского Суда по делу «Жиан против Румынии» (*Jian v. Romania*) от 30 марта 2004 г., жалоба № 46640/99) или умолчание о важном для рассмотрения дела доказательстве (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Аль-Нашиф против Болгарии» (*Al-Nashif v. Bulgaria*) от 20 июня 2002 г., жалоба № 50963/99, § 89, и Решение Европейского Суда по делу «Керечашвили против Грузии» (*Kerechashvili v. Georgia*) от 2 мая 2006 г., жалоба № 5667/02) или о новых важных событиях в ходе производства по делу (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Предеску против Румынии» (*Predescu v. Romania*) от 2 декабря 2008 г., жалоба № 21447/03, §§ 25–27). Во-вторых, в делах, в которых заявитель использовал особо оскорбительные, вызывающие, угрожающие или провокационные выражения (см., например, Решение Европейского Суда по делу «Ржехак против Чешской Республики» (*Řehák v. Czech Republic*) от 18 мая 2004 г., жалоба № 67208/01). В-третьих, в делах, в которых заявитель намеренно нарушил конфиденциальность переговоров по поводу заключения мирового соглашения (см., например, Решение Европейского Суда по делу «Хадрабова и другие против Чешской Республики» (*Hadrabová and Others v. Czech Republic*) от 25 сентября 2007 г., жалобы №№ 42165/02 и 466/03, и Решение Европейского Суда по делу «Десёнинк против Франции» (*Deceuninck v. France*) от 13 декабря 2011 г., жалоба № 47447/08). В-четвертых, в делах, в которых заявители повторно присылали явно надуманные и необоснованные жалобы, похожие на ту, которая была подана ранее и была признана неприемлемой для рассмотре-

ния по существу (см. Решение Европейского Суда по делу «Анибаль Виейра и Фильос ЛДА и Мария Роза Феррейра да Коста ЛДА против Португалии» (*Anibal Vieira and Filhos LDA and Maria Rosa Ferreira da Costa LDA v. Portugal*) от 13 ноября 2012 г., жалобы №№ 980/12 и 28385/12, см. также Решения Европейской комиссии по правам человека по делам «М. против Соединенного Королевства» (*M. v. United Kingdom*) от 15 октября 1987 г., жалоба № 13284/87, и «Филис против Греции» (*Philis v. Greece*) от 17 октября 1996 г., жалоба № 28970/95). Европейский Суд также уточнял, что, даже если жалоба, поданная с целью огласки или пропаганды, сама по себе не является злоупотреблением правом на подачу жалобы, иная ситуация складывается в том случае, если заявитель, движимый интересами политического характера, дает в прессе или на телевидении интервью, в которых проявляет безответственное и легкомысленное отношение к производству в Европейском Суде (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Миролюбовс и другие против Латвии», § 66).

68. Европейский Суд прежде всего отмечает, что настоящая жалоба не соответствует ни одному из указанных выше случаев. Далее, допуская, что жалобу, которая представляет собой *actio popularis*, следует считать «явно несоответствующей цели, для которой соответствующее право было предоставлено», Европейский Суд отсылает к своему выводу относительно статуса жертвы заявительницы, из которого следует, что в настоящем деле речь не идет об *actio popularis* (см. выше §§ 57–58). Наконец, в настоящем деле он не усматривает каких-либо причин считать, что своими действиями заявительница создала препятствия для надлежащего функционирования Европейского Суда или для нормального хода производства по рассматриваемому им делу. Принимая также во внимание тот факт, что неприемлемость жалобы для рассмотрения по существу в связи со злоупотреблением правом имеет исключительный характер, Европейский Суд отклоняет предварительный довод властей Франции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3, РАССМОТРЕННОЙ В ОТДЕЛЬНОСТИ И ВО ВЗАИМОСВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ 14 КОНВЕНЦИИ

69. Заявительница жаловалась на то, что, поскольку ношение полностью скрывающей лицо одежды в общественных местах было запрещено законом под угрозой уголовного наказания, появившись в общественном месте в такой одежде, она бы поставила себя под угрозу не только наказания, но и преследования и дискриминации, что представляло бы собой унижающее достоинство обращение. Она ссылаясь на статью 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

Заявительница также жаловалась на нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции. Статья 14 Конвенции гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

70. Европейский Суд полагает, что минимальный уровень жестокости, которого должно достигать жестокое обращение, чтобы относиться к сфере действия статьи 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. United Kingdom*) от 18 января 1978 г., жалоба № 5310/71, § 162), в настоящем деле не достигнут. Следовательно, в данной части жалоба является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Это также означает, что, поскольку факты настоящего дела не попадают в сферу действия статьи 3 Конвенции (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Х и другие против Австрии» (*X and Others v. Austria*) от 19 февраля 2013 г., жалоба № 19010/07, § 94), нельзя ссылаться на статью 14 Конвенции во взаимосвязи с данным положением Конвенции.

71. Таким образом, эта часть жалобы является неприемлемой для рассмотрения по существу и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ, РАССМОТРЕННОЙ В ОТДЕЛЬНОСТИ И ВО ВЗАИМОСВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ 14 КОНВЕНЦИИ

72. Заявительница жаловалась на то, что законодательный запрет ношения одежды, предназначенной для сокрытия лица на публике, лишил ее возможности носить одежду, предусмотренную исламом, в общественных местах. Она утверждала, что имели место нарушения ее права на свободу объединений и на запрет дискриминации при осуществлении этих прав. Она ссылалась на статью 11 Конвенции, взятой как по отдельности, так и во взаимосвязи со статьей 14 Конвенции. Статья 11 Конвенции гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.
2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмот-

рены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства».

73. Европейский Суд отмечает, что заявительница не указала, каким образом запрет, введенный Законом от 11 октября 2012 г., нарушает ее право на свободу объединений и приводит к дискриминации при осуществлении ею данного права. Европейский Суд приходит к выводу, что не подкрепленная доказательствами и доводами жалоба в данной части является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Озер против Турции» (*Özer v. Turkey*) (№ 2) от 26 января 2010 г., жалоба № 871/08, § 36) и, следовательно, неприемлемой для рассмотрения по существу. Таким образом, она должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 8–10 КОНВЕНЦИИ, РАССМОТРЕННЫХ В ОТДЕЛЬНОСТИ И ВО ВЗАИМОСВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ 14 КОНВЕНЦИИ

74. Заявительница на тех же основаниях жаловалась на нарушение ее права на уважение личной жизни, ее права на свободу исповедовать свою религию или убеждения и ее права на свободу выражения мнения, а также на дискриминацию при осуществлении этих прав. Она ссылалась на статьи 8–10 Конвенции отдельно и во взаимосвязи со статьей 14 Конвенции. Первые три упомянутые статьи Конвенции гласят следующее:

«Статья 8

1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Статья 9

1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими публичным или

частным порядком в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

Статья 10

1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

А. ПРИЕМЛЕМОСТЬ ЖАЛОБЫ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ ПО СУЩЕСТВУ

75. Европейский Суд считает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он далее отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

В. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

1. Доводы сторон

(а) Заявительница

76. Заявительница указала, что она родилась в Пакистане и что ее семья принадлежит к суннитской культурной традиции, в рамках которой ношение женщинами полностью скрывающей лицо одежды на публике является обычаем и проявлением уважения. Заявительница считала, что она является жертвой серьезного вмешательства в осуществление ее прав, гарантированных статьей 9 Конвенции, поскольку Закон от 11 октября 2010 г., целью которого является введение запрета

ношения женщинами-мусульманками полностью скрывающей лицо одежды в общественных местах, мешает ей исповедовать свою веру, жить в соответствии с ней и соблюдать ее в общественных местах. Заявительница добавила, что, если данное вмешательство «предусмотрено законом», оно не преследует ни одну из правомерных целей, перечисленных во втором пункте данной статьи Конвенции, и не является «необходимым» «в демократическом обществе».

77. Заявительница прежде всего полагала, что нельзя утверждать, что целью данного вмешательства является «общественная безопасность», поскольку речь не идет о мере, призванной отвечать конкретным соображениям безопасности в местах повышенного риска, таких как аэропорты, а об общем запрете, распространяющемся почти на всё общественное пространство. Что касается довода властей Франции о том, что целью вмешательства являлось соблюдение минимальных требований жизни в обществе, поскольку взаимная открытость лиц была фундаментальным принципом во французском обществе, заявительница возражала, что вмешательство не принимало во внимание культурные практики меньшинств, которые необязательно разделяют данную философию, а также факт существования средств коммуникации помимо визуального, и что в любом случае это не имеет ничего общего с применением уголовного наказания с целью помешать сокрытию лица на публике. Заявительница считала, помимо этого, что утверждение властей государства-ответчика о том, что сокрытие женщинами лиц было несовместимо с принципом равенства мужчин и женщин и было упрощенным. Она утверждала, что согласно устоявшейся феминистской позиции ношение полностью скрывающей лицо одежды часто отражает эмансипацию женщин, их самоутверждение и участие в жизни общества, а в том, что касалось ее самой, речь шла о доставлении удовольствия не мужчинам, а ей самой себе и в соблюдении ею своей свободы вероисповедания. Далее, нельзя утверждать, что ношение такой одежды приводит к лишению женщин права вести себя самостоятельно в общественном пространстве, поскольку в большинстве случаев речь идет о свободном выборе, который не сопровождается каким-либо прозелитизмом. Заявительница добавила, что некоторые государства с большим мусульманским населением не запрещают носить полностью скрывающую лицо одежду в общественных местах. Она полагала ироничным, что абстрактная идея равенства полов противоречила глубоко личному выбору женщин, которые принимали решение носить такую одежду, и подчеркнула, что назначение таким женщинам наказания будет усугублять неравенство, с которым предположительно идет борьба. Наконец, заявительница считала, что утверждение о том, что правомерной целью запрета являлось «уваже-

ние человеческого достоинства», было основано на абстрактном, стереотипном и исходящем из логики мужского шовинизма предположении о том, что женщина в полностью скрывающей лицо одежде является «стертой» (*effacée*).

78. В разделе «Необходимость» заявительница утверждала, что подлинно свободное общество может воспринять большое разнообразие убеждений, мнений, действий, обычаев и поведений и что властям государств-ответчиков не следует судить об истинности религиозных убеждений. По ее мнению, запрет и криминализация ношения полностью скрывающей лицо одежды в общественных местах содержат религиозный посыл и являются препятствием для социализации затронутых этими мерами женщин. Заявительница отметила, что Комитет ООН по правам человека указал в Замечании общего характера № 28, что любые правила в отношении того, каким образом женщины должны быть одеты в общественных местах, могут быть сопряжены с нарушением принципа равенства прав мужчин и женщин, и в Решении по делу «Райхон Худойберганава против Узбекистана» (*Raihon Hudoyberganova v. Uzbekistan*), что свобода исповедовать свою религию подразумевает право носить на публике одежду, соответствующую закону и религии. Она подчеркнула также, что, если Закон от 11 октября 2010 г. действительно был принят почти единогласно, упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Даджен против Соединенного Королевства», «Норрис против Ирландии» и «Модинос против Кипра» доказывали, что та или иная мера может пользоваться большой политической поддержкой и при этом не быть «необходимой» «в демократическом обществе».

Кроме того, если предположить, что преследуемые цели были правомерными, рассматриваемый запрет не мог соответствовать данному условию, поскольку эти цели могли быть достигнуты путем применения менее строгих мер. С целью разрешить вопросы общественной безопасности можно было установить контроль безопасности в местах повышенного риска, как в рассмотренных Европейским Судом делах «Фюль против Франции» (*Phull v. France*) (Решение от 11 января 2005 г., жалоба № 35753/03) и «Эль-Морсли против Франции» (*El-Morsli v. France*) (Решение от 4 марта 2008 г., жалоба № 15585/06). Что касается намерения обеспечить уважение достоинства личности, оно не может исключать наличия двух противоположных интересов: интересов членов общества, которые не одобряют ношение полностью скрывающей лицо одежды, и интересов тех, кто, как заявительница, вынужден выбирать между действиями, не соответствующими их убеждениям, изоляцией у себя дома и нарушением закона. Однако права вторых лиц затронуты гораздо в большей степени, чем права первых. По мнению

заявительницы, считать, как это делали власти Франции, что было необходимо установить уголовную ответственность не только за принуждение кого-либо к ношению полностью скрывающей лицо одежды, но и за само ношение такой одежды по собственному выбору на основании того, что женщины могут не сообщить о тех, кто их принуждает к этому, и что принуждение может быть выборочным, означало бы игнорировать ситуацию и мотивацию женщин, которые делают выбор в пользу ношения такой одежды в общественных местах, и, следовательно, отказаться от любого поиска пропорционального решения. Помимо того, что такое отношение являлось патерналистским, оно также отражало намерение подвергнуть наказанию женщин, которых власти, по-видимому, стремились защищать от патриархального давления. Наконец, заявительница считала не относящимися к делу замечания властей Франции о том, что свобода одеваться в соответствии со своим выбором остается очень широкой во Франции и запрет не касается мест совершения богослужений, открытых для общественности, поскольку ее убеждения предписывают ей закрывать лицо именно на публике, и что право исповедовать свою религию не должно ограничиваться местами богослужений, но и может осуществляться в общественных местах.

79. По мнению заявительницы, невозможность носить полностью скрывающее лицо одежду в общественных местах, к которой приводит Закон от 11 октября 2010 г., также являлась нарушением ее права на уважение личной жизни, гарантированного статьей 8 Конвенции. Ее личная жизнь была затронута по трем причинам. Во-первых, поскольку ношение полностью скрывающей лицо одежды являлось важным элементом ее социокультурной идентичности. Во-вторых, как Европейский Суд подчеркнул в его Постановлении по делу «Фон Ганновер против Германии» (*Von Hannover v. Germany*) от 24 июня 2004 г., жалоба № 59320/00, §§ 50 и 69, что даже в публичной сфере существует аспект взаимодействия человека с иными людьми, который может относиться к сфере «личной жизни», и защита личной жизни по статье 8 Конвенции распространяется за пределы частного семейного круга и также включает в себя социальное измерение. Третья причина заключалась в том, что, если бы заявительница вышла из дома в полностью скрывающей лицо одежде, она скорее всего столкнулась бы с враждебностью и рисковала бы подвергнуться уголовному наказанию. Таким образом, обязанная снимать полностью скрывающую лицо одежду, когда она выходила на улицу, и возможность носить ее только дома, «как будто она была в тюрьме», вынуждала заявительницу вести себя «как Джекил и Хайд».

Далее, ссылаясь в основном на свои замечания относительно статьи 9 Конвенции, заявительница

утверждала, что данное вмешательство не преследовало какой-либо правомерной цели из тех, которые перечислены в пункте 2 статьи 8 Конвенции. Она добавила, что, допуская, что может быть признано наличие одной из этих целей, спорное вмешательство не могло считаться необходимым в демократическом обществе, тем более, что требования второго пункта статьи 8 Конвенции в этом отношении были еще более строгими, чем требования пункта 2 статьи 9 Конвенции.

80. Заявительница утверждала также, что запрет носить одежду, предназначенную для сокрытия лица в общественном месте, который, без сомнения, направлен против ношения паранджи, приводит к дискриминации, нарушающей статью 14 Конвенции, по признаку пола, религии и этнического происхождения в ущерб для женщин-мусульманок, которые, как она, носят исламскую, полностью скрывающую лицо одежду. По ее мнению, речь идет о косвенной дискриминации между женщинами-мусульманками, убеждения которых требуют носить полностью скрывающую лицо одежду, и другими женщинами-мусульманками, а также между женщинами-мусульманками и мужчинами-мусульманами. Предусмотренное Законом от 11 октября 2010 г. исключение, согласно которому данный запрет не применяется, если одежда является частью «праздников или художественных или традиционных мероприятий», также является дискриминационным, поскольку обеспечивает более выгодное положение христианского большинства: оно позволяет христианам носить на публике одежду, полностью скрывающую лицо, в рамках христианских праздников (католические религиозные процессии, карнавалы или праздники с участием Деда Мороза), в то время как женщины-мусульманки, желающие носить полностью скрывающую лицо одежду в общественных местах, будут оставаться под действием запрета даже в течение месяца Рамадана.

(b) Власти Франции

81. Власти Франции признали, что, хотя и сформулированный общим образом запрет, предусмотренный Законом от 11 октября 2010 г., может рассматриваться как «ограничение» свободы исповедовать свои убеждения или религию по смыслу пункта 2 статьи 9 Конвенции. Однако они полагали, что данное ограничение преследовало правомерные цели и было необходимо в демократическом обществе для достижения этих целей.

82. По мнению властей Франции, первой правомерной целью было обеспечение «общественной безопасности»: запрет отвечал необходимости идентифицировать любое лицо, чтобы предупредить посягательства на безопасность лиц и имущества и бороться с мошенническим использованием личных данных. Вторая цель относилась

к «защите прав и свобод других лиц». Речь в данном случае шла об обеспечении «уважения минимального набора ценностей открытого демократического общества». Власти Франции указали три такие ценности. В первую очередь речь идет о соблюдении минимальных требований жизни в обществе. По мнению властей Франции, лицо играет важную роль при взаимодействии людей: именно через лицо больше, чем через любую другую часть тела, выражается существование индивида как уникальной личности и признается его личность, разделяемая с собеседником, наряду с его уникальностью. Сокрытие лица в общественных местах приведет, таким образом, к разрыву социальной связи и проявлению отказа от «совместного проживания». Речь также идет о соблюдении равенства между мужчинами и женщинами, поскольку если считать, что женщины должны скрывать лицо в общественных местах лишь по той причине, что они женщины, равнозначно отрицанию их права на существование как индивидов и ограничивать выражение их индивидуальности семейным кругом или исключительно женским сообществом. Наконец, речь идет об уважении достоинства личности, поскольку женщины, одетые подобным образом, оказываются «стертыми» из общественного пространства. По мнению властей Франции, независимо от того, является ли такое стирание желаемым или терпимым, оно является обезчеловечивающим и, следовательно, с трудом может считаться соответствующим достоинству человеческой личности.

В отношении равенства мужчин и женщин власти Франции не согласились с утверждением заявительницы о том, что полностью скрывающая лицо одежда часто является признаком эмансипации женщин, которые ее носят, их самоутверждения и участия в общественной жизни, и пояснили, что они не разделяют такого крайне позитивного представления заявительницы и неправительственных организаций о данной практике. Власти Франции отметили также, что они приняли во внимание заключения исследований двух третьих сторон по делу, согласно которым женщины, которые носят полностью скрывающую лицо одежду, делают это добровольно и отказались бы от этой практики только в случае агрессивного поведения со стороны окружающих лиц. Тем не менее власти Франции отметили, что данные исследования были проведены в отношении лишь очень небольшого количества женщин (в одном случае – 27, в другом – 32), выбранных по методике «снежный ком». Вместе с тем эта методика была ненадежной, поскольку она заключалась в выявлении нескольких лиц, которые соответствовали предмету исследования, и последующей идентификации других таких лиц через первых. Таким образом, данная методика приводит к выбору лиц, разделяющих одни и те же взгляды. Из этого следовало, что представленные заклю-

чения лишь частично отражали реальность, а их научная значимость оказалась спорной.

83. Что касается необходимости и соразмерности ограничения, власти Франции утверждали, что Закон от 11 октября 2010 г. был принят почти единогласно (за исключением одного голоса) как Сенатом, так и Национальной ассамблеей по результатам широкого демократического обсуждения с участием, в частности, гражданского общества. Власти Франции подчеркивали, что оспариваемый запрет был очень ограничен по своему предмету, поскольку относился лишь к сокрытию лица по любым мотивам, и при этом каждый человек сохранял свободу в рамках этих пределов носить в общественных местах одежду, предназначенную для выражения своих религиозных убеждений. Они добавили, что запрет был необходим для защиты принципов, которые послужили основанием для его принятия. Власти Франции указали в этом отношении, что ограничиваться наказанием за принуждение других людей к сокрытию лица было бы неэффективным, потому что женщины могли отказаться называть виновных и потому что принуждение могло быть рассеянным. Они также напомнили, что Европейский Суд признавал за государствами широкие пределы допустимого для них усмотрения в сфере регламентации прав человека, когда речь шла о поиске баланса между частными и общественными интересами или когда частный интерес вступал в противоречие с иными правами, закрепленными в Конвенции (они ссылались в этой связи на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эванс против Соединенного Королевства» (*Evans v. United Kingdom*) от 10 апреля 2007 г., жалоба № 6339/05, § 77). Власти Франции также придерживались мнения о том, что установленные законом меры наказания были незначительными и предусматривали назначение штрафа в размере 150 евро или прохождение курса гражданского обучения. Они отметили, что и Государственный совет Франции, и Кассационный суд Франции признали «необходимость» принятия спорного закона.

84. Что касается статьи 8 Конвенции, власти Франции указали, что они не были убеждены в том, что данное положение подлежало применению, поскольку запрет ношения полностью скрывающей лицо одежды распространялся только на общественные места и нельзя было считать, что были затронуты физическая целостность или частная жизнь лица. Указав, что доводы заявительницы в любом случае больше относились к свободе исповедовать ее взгляды или религию и, таким образом, к статье 9 Конвенции, власти Франции ссылались на свои аргументы, представленные в отношении данной статьи Конвенции, в части обоснования вмешательства и его соразмерности.

85. Наконец, власти Франции полагали, что заявительница находилась «в особенно неподходя-

щем положении для того, чтобы считать себя жертвой дискриминации по признаку пола», поскольку одной из основных целей была борьба против подобной дискриминации, являвшейся результатом вытеснения женщин из общественного пространства вследствие ношения полностью скрывающей лицо одежды. По их мнению, утверждение о том, что законодательство было основано на стереотипе о подчиненности женщин-мусульманок, было необоснованным и карикатурным, во-первых, потому, что закон не был направлен на женщин-мусульманок, во-вторых, поскольку социальное вытеснение, проявлением которого является ношение паранджи или никаба, «трудно совместить с утверждением о социальном сосуществовании». Однако, по мнению властей Франции, статья 14 Конвенции не может рассматриваться как гарантирующая право ставить себя в дискриминационное положение. Что касается довода о том, что законодательство будет удерживать женщин от посещения общественных мест и приведет в качестве одного из последствий к тому, что они будут оставаться дома, то данный довод был особенно неуместным в настоящем деле, поскольку заявительница указала, что она носила такую одежду добровольно и периодически.

Власти Франции добавили, что действующее законодательство не приводило к дискриминации в отношении женщин-мусульманок. Они напомнили в этой связи, что практика ношения полностью скрывающей лицо одежды была новой и не очень распространенной во Франции и много раз подвергалась критике известными представителями мусульманского сообщества. Власти Франции указывали также на то, что запрет применялся независимо от того, было ли сокрытие лица обусловлено причинами религиозного характера или нет, и независимо от пола соответствующего лица. Наконец, они подчеркивали, что тот факт, что некоторые лица, желающие вести себя подобным образом, который соответствует их убеждениям, религиозным или нет, не смогут этого сделать в силу закона, не может сам по себе считаться дискриминационным, поскольку запрет базировался на разумных основаниях и оставался соразмерным преследуемой цели. Власти Франции ссылались в этом отношении на свои предшествующие доводы.

2. Третьи стороны по делу

(а) Власти Бельгии

86. Власти Бельгии утверждали, что ношение полностью скрывающей лицо одежды соответствовало не требованиям Корана, а требованиям меньшинства лиц с Арабского полуострова.

87. Власти Бельгии также указали, что закон, запрещающий ношение «полностью или частично

скрывающей лицо одежды», был принят в Бельгии 1 июня 2011 г. и вступил в силу 23 июля 2011 г. Они уточнили, что Конституционный суд Бельгии отклонил две конституционные жалобы, поданные в отношении данного закона, в Постановлении от 6 декабря 2012 г., с оговоркой по поводу мест совершения богослужений, указав, что ношение такой одежды представляло собой проблему с точки зрения безопасности, препятствовало праву женщин на равенство и достоинство, а также, что более важно, угрожало самим условиям «совместного проживания». Власти Бельгии полагали, что лицам не следует присваивать себе ввиду своих индивидуальной или религиозной свобод право решать, когда они могут открывать свое лицо в общественных местах. Оценка требований безопасности обязательно должна осуществляться властями. Власти Бельгии далее отметили, что право женщин на равенство и собственное достоинство упоминается и той, и другой стороной, и признали, что ношение полностью скрывающей лицо одежды необязательно является признаком подчиненности мужчинам. Они полагали, тем не менее, что право на изоляцию имеет свои пределы и что дресс-коды, которые действуют в наших обществах, являются результатом социального консенсуса и продуктом компромисса между индивидуальными свободами и кодами взаимодействия в обществе, и что люди, которые носят скрывающую лицо одежду, подают другим людям сигнал о том, что они не хотят активно участвовать в жизни общества, и потому обесчеловечены. По мнению властей Бельгии, одной из ценностей, которые составляют основу функционирования демократического общества, является возможность активного общения между людьми.

88. Власти Бельгии подчеркивали, что законодательство Бельгии стремилось защитить модель общества, в которой человек превалирует над его философскими, культурными или религиозными связями, с целью способствовать всеобщей интеграции и сделать так, чтобы все лица разделяли общее достояние основных ценностей, таких как демократия, равенство между мужчинами и женщинами и отделение церкви от государства. Они ссылались на постановление Конституционного суда Бельгии, в котором указывалось, что, поскольку сокрытие лица влечет за собой лишение субъекта права, любой возможности визуальной индивидуализации, в то время как такая индивидуализация является фундаментальным условием, связанным с самой ее сущностью, и запрет ношения в общественных местах такой одежды, даже если она является выражением религиозных убеждений, отвечает насущной общественной необходимости в демократическом обществе. Власти Бельгии добавили, что законодательство Бельгии установило наиболее мягкое уголовное наказание (штраф) и, также ссылаясь на Постановление

Конституционного суда, отметили, что то обстоятельство, что некоторые женщины будут оставаться дома, чтобы не выходить с открытым лицом, будет являться результатом их собственного выбора, а не неправомерного принуждения, которое предположительно будет применено к ним на основании законодательства. Наконец, они считали, что законы Франции и Бельгии не являлись дискриминационными, поскольку они не были специально направлены на полностью скрывающую лицо одежду, и применялись ко всем лицам, которые ходят в общественных местах в скрывающих лицо одеждах, независимо от того, шла ли речь о мужчинах или женщинах, и от того, были ли причины ношения этой одежды религиозными или нет.

*(b) Неправительственная организация
«Международная амнистия»*

89. Неправительственная организация «Международная амнистия» утверждала, что право носить одежду, имеющую религиозную коннотацию, гарантировано Международным пактом о гражданских и политических правах как часть права на свободу мысли, совести и религии и права на свободу выражения мнения. Она добавила, что в этом Пакте предусмотрены исключения, аналогичные тем, которые закреплены в статьях 9 и 10 Конвенции, и утверждала, что международное публичное право требует, чтобы данные исключения толковались одинаково, независимо от того, в каком документе они установлены. В связи с этим неправительственная организация «Международная амнистия» призвала Европейский Суд принять во внимание Замечания общего характера №№ 22, 27 и 34 Комитета ООН по правам человека, а также его прецедентную практику (см. выше § 38).

90. Неправительственная организация «Международная амнистия» добавила, что право на отсутствие дискриминации гарантировано всеми международными и региональными документами по защите прав человека и что в данном отношении также требуется однородность толкований и что, в частности, из Международного пакта о гражданских и политических правах и из Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин следует, что на государствах лежит обязанность принимать эффективные меры с целью прекратить дискриминационные практики. Неправительственная организация «Международная амнистия» также ссылалась на Замечания общего характера №№ 22 и 28 Комитета ООН по правам человека. Она также подчеркнула риск перекрестной дискриминации: женщины могут страдать от особой формы дискриминации в связи с сочетанием таких факторов, как пол и иные факторы, в частности, религия, и данная дискриминация может выра-

жаться, например, в форме стереотипизации подгрупп женщин. Неправительственная организация «Международная амнистия» также отметила, что ограничение ношения никабов или полностью скрывающей лицо одежды может затрагивать права на труд, образование и на равную защиту закона и может способствовать преследованию и насилию.

91. По мнению неправительственной организации «Международная амнистия», презумпция о том, что женщины, которые одеваются определенным образом, поступают так только под воздействием принуждения, является выражением гендерного и религиозного стереотипов, и ликвидация дискриминации требует гораздо более гибкого подхода.

(с) Неправительственная организация «Статья 19»

92. Неправительственная организация «Статья 19» подчеркивала, что ношение религиозных символов или одежды относится к праву на свободу выражения мнения и к праву на свободу мысли и религии, и ссылалась на Замечание общего характера № 28 Комитета ООН по правам человека. Она также ссылалась на упоминавшееся выше Решение по делу «Худойберганова против Узбекистана» Комитета ООН по правам человека, в котором он указал, что свобода каждого исповедовать свою религию включает право носить в общественном месте одежду или символы, которые считаются соответствующими религии или вероисповеданию, и что препятствование ношению религиозной одежды может являться нарушением статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах. Неправительственная организация «Статья 19» ссылалась также на Замечание общего характера № 34 Комитета ООН о свободе мнений и их выражения. Она добавила, что в своем докладе 2006 года специальный докладчик ООН по вопросам свободы религии или убеждений предложил принять руководящие принципы для оценки необходимости и соразмерности ограничений ношения религиозных символов или одежды и рекомендовал исполнительным и судебным органам, осуществляющим данную оценку, поставить перед собой следующие вопросы: является ли спорное ограничение соответствующим с точки зрения правомерного интереса, который оно призвано защищать? Является ли оно наименее ограничительным? Соблюдает ли оно баланс между задействованными интересами, и может ли оно способствовать религиозной нетерпимости, и избегает ли оно порицания отдельной религиозной общины?

93. Неправительственная организация «Статья 19» отметила также, что, как указал специальный докладчик ООН по вопросам свободы

религии или убеждений в своем промежуточном докладе 2011 года, запрет дискриминации по признаку пола часто упоминается в качестве довода в пользу запрета ношения одежды, скрывающей лицо, в то время как подобный запрет может привести к перекрестной дискриминации в ущерб женщинам-мусульманкам. По ее мнению, это может быть контрпродуктивно, поскольку может привести к тому, что соответствующие женщины будут оставаться дома, будут исключены из общественной жизни и маргинализированы, а также к физическому и словесному насилию в отношении женщин-мусульманок. Неправительственная организация «Статья 19» констатировала также, что Парламентская Ассамблея Совета Европы, в частности, рекомендовала государствам-членам не делать выбор в пользу общего запрета ношения полностью скрывающей лицо одежды в общественных местах.

94. По мнению неправительственной организации «Статья 19», международные стандарты в области права на свободу выражения мнения, права на свободу мнений и религии и права на равное обращение без дискриминации не позволяли вводить общий запрет сокрытия лица в общественных местах.

(d) Центр по правам человека университета г. Гента

95. Центр по правам человека университета г. Гента подчеркнул, что законы Франции и Бельгии о запрете сокрытия лица на публике были приняты на основании предположения о том, что большинство женщин, которые носят полностью скрывающую лицо одежду, делают это под принуждением, выражают таким образом нежелание взаимодействовать с другими членами общества и представляют собой угрозу для общественной безопасности. Однако эмпирическое исследование, проведенное Центром по правам человека университета г. Гента в Бельгии в отношении 27 женщин, которые носят или носили полностью скрывающую лицо одежду (см.: *Brems E., Janssens Y., Lecoyer K., Ouald Chaib S. and Vandersteen V. Wearing the Face Veil in Belgium: Views and Experiences of 27 Women Living in Belgium Concerning the Islamic Full Face Veil and the Belgian Ban on Face Covering, Human Rights Centre of Ghent University, 2012 год*), а также исследования, проведенные во Франции фондом «Открытое общество» (*Open Society*) (см. ниже § 104) и в Нидерландах профессором А. Моорс (*A. Moors*), доказывали, что данное предположение было ошибочным.

96. По мнению Центра по правам человека университета г. Гента, проведенные исследования доказывают, что запрет не позволяет достигнуть своих целей: в результате запрета женщины остаются дома, что приводит к их изоляции и влияет на их социальную жизнь и независимость, также

последствием запрета является поощрение агрессии в отношении них. Центр по правам человека университета г. Гента полагал также, что запрет был несоразмерен, поскольку понятие «общественное место» было определено очень широко, а проблемы, связанные с общественной безопасностью, могли быть решены путем введения разового обязательства идентифицировать себя, открыв лицо, и что в современном обществе существуют многочисленные способы коммуникации, которые не требовали, чтобы каждый видел лицо другого человека.

97. По мнению Центра по правам человека университета г. Гента, помимо того, что запрет представлял собой несоразмерное вмешательство в свободу вероисповедания, он также приводил к косвенной и перекрестной дискриминации по признаку пола и религии, утверждал стереотипы и игнорировал тот факт, что женщины с закрытым лицом являются уязвимым меньшинством, требующим особого внимания.

98. Наконец, Центр по правам человека университета г. Гента призвал Европейский Суд рассмотреть настоящее дело в свете усиления исламофобии в некоторых европейских странах. Центр по правам человека университета г. Гента считал, что принятие и применение полного запрета закрывать лицо в общественных местах наносят еще больший ущерб, поскольку они сопровождаются политическими заявлениями о женщинах, которые носят исламскую полностью скрывающую лицо одежду, и усиливают негативные стереотипы и исламофобию.

(e) Неправительственная организация «Свобода»

99. Неправительственная организация «Свобода» отметила, что, хотя Закон от 11 октября 2010 г. и был сформулирован нейтральным образом, он был направлен на ношение паранджи и применялся во всех общественных местах, и что соответствующие женщины были поставлены перед сложным выбором: между изоляцией у себя дома или отказом от ношения одежды, скрывающей лицо. Неправительственная организация «Свобода» напомнила, что истоки Конвенции тесно связаны с теми зверствами, которыми сопровождалась Вторая мировая война, что включение права на свободу вероисповедания в список фундаментальных прав было обусловлено теми преступлениями, которые были совершены против евреев, и что с тех пор по тем или иным религиозным причинам были совершены другие преступления против человечества. Она отметила, что существует тесная связь между религией и расой.

100. Неправительственная организация «Свобода» подчеркнула далее, что общее регулирование того, в какой одежде должны ходить женщи-

ны в общественных местах, способно нарушать не только многие фундаментальные права, но и международные и региональные документы, такие как Рамочную конвенцию о защите прав национальных меньшинств. Что касается Конвенции, неправительственная организация «Свобода» полагала, что в данном деле были задействованы статьи 8–10 и 14 Конвенции. Она сочла, что три элемента, указанные в пояснительной записке к законопроекту в качестве обоснования запрета, не были убедительными. Неправительственная организация «Свобода» также утверждала, что закон о запрете и дискуссия вокруг данных вопросов способствовали стигматизации мусульман и поощряли расистское отношение к ним.

101. В заключение неправительственная организация «Свобода» отметила, что, если, в частности, многие сторонники феминизма утверждали, что полностью скрывающая лицо одежда унижает женщин, унижает их достоинство и является выражением патриархата, то другие видят в ней символ своей веры. По мнению неправительственной организации «Свобода», невозможно разрешить данное противоречие путем введения обязательства для женщин, которые чувствуют себя обязанными ее носить, и оставаться дома под угрозой наказания. Это не освобождает женщин, а, скорее, способствует исламофобии.

(f) Неправительственная организация «Правовая инициатива открытого общества»

102. Неправительственная организация «Правовая инициатива открытого общества» подчеркивала, что запрет ношения одежды, полностью скрывающей лицо, подвергался критике в рамках Совета Европы и что только власти Франции и Бельгии сделали выбор в пользу принятия общей меры такого рода. Она подчеркнула, что, хотя законы Франции и Бельгии были сформулированы нейтральным образом, процесс, результатом которого они являлись, свидетельствовал о том, что они были направлены именно против ношения паранджи и никаба.

103. Неправительственная организация «Правовая инициатива открытого общества» указала также, что целью закона Франции была защита общественной безопасности, равенства между мужчинами и женщинами и принципа секуляризма. Неправительственная организация «Правовая инициатива открытого общества» утверждала в этой связи, что мотивировка, основанная на общественном порядке, легко может скрывать нетерпимость, когда речь идет о свободе религии. Ссылаясь, в частности, на Постановление Европейского Суда по делу «Палау-Мартинес против Франции» ((Palau-Martinez v. France) от 16 декабря 2003 г., жалоба № 64927/01, § 43), неправительственная организация «Правовая инициатива открыто-

го общества» утверждала, что государства могут основываться на данном понятии для того, чтобы оправдать вмешательство в осуществление права, гарантированного Конвенцией, только в той мере, в какой установлено конкретное посягательство на общественный порядок. Что касается защиты равенства между мужчинами и женщинами, она отметила, что такая цель была основана на предположении о том, что ношение подобной одежды было вынужденным и ставило женщин в неблагоприятное положение, в то время как ни один из элементов, исследованных в ходе законодательного процесса, на это не указывал.

104. Неправительственная организация «Правовая инициатива открытого общества» также ссылалась на опубликованное в апреле 2011 года заключение исследования, проведенного во Франции под эгидой фонда «Открытое общество» в отношении 32 женщин, которые носили полностью скрывающую лицо одежду, под названием «Снимем покров с правды: почему 32 женщины-мусульманки носят полностью скрывающую лицо одежду во Франции». Неправительственная организация «Правовая инициатива открытого общества» указала, что из данного заключения следовало, что опрошенные женщины не носили эту одежду под принуждением и что многие из них решили это сделать наперекор мнению своей семьи, а также что треть из них не носили данную одежду каждый день и постоянно и что большинство из них вело активную социальную жизнь. Из заключения также следовало, согласно утверждению неправительственной организации «Правовая инициатива открытого общества», что запрет вызвал недовольство этих женщин и потерю ими автономии и что общественная дискуссия, которой сопровождался запрет, способствовала проявлению вербальной и физической агрессии против этих женщин со стороны членов сообщества. Помимо этого, неправительственная организация «Правовая инициатива открытого общества» представила следующий доклад по данному вопросу, составленный в сентябре 2013 года. Она указала, что из него следовало, что большинство соответствующих женщин продолжали носить полностью скрывающую лицо одежду, поскольку для них речь шла о выражении их религиозных убеждений. Она добавила, что данный доклад доказывал наличие важных последствий запрета для их личной и семейной жизни. Неправительственная организация «Правовая инициатива открытого общества» также подчеркнула, что согласно этому докладу все опрошенные женщины заявили, что с момента введения запрета их личная безопасность снизилась, и они подвергались преследованию и иногда физической агрессии, которые стали результатом ситуации, поощрявшей общественность действовать против женщин, которые носили полностью скрывающую лицо одежду.

105. В заключение неправительственная организация «Правовая инициатива открытого общества» утверждала, что существует европейский консенсус против запрета ношения одежды, скрывающей лицо, в общественных местах. Она настаивала также на том, что полные запреты были несоизмеримыми, когда было возможно применение менее ограничительных мер, и что оправдания, связанные с общественным порядком, должны были быть обоснованы конкретным образом, что меры, принятые с целью способствовать равенству, должны были быть объективно и разумно обоснованы и ограничены во времени и что те из них, которые призваны гарантировать секуляризм, должны были быть строго необходимы.

3. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(а) Предполагаемые нарушения статей 8 и 9 Конвенции

106. Запрет ношения в общественных местах одежды, предназначенной для сокрытия лица, вызывает вопросы с точки зрения права на уважение личной жизни (статья 8 Конвенции) женщин, которые хотят носить полностью скрывающую лицо одежду по причинам, связанным с их убеждениями, а также с точки зрения свободы исповедовать такие убеждения (статья 9 Конвенции).

107. Европейский Суд полагает, что выбор того, как то или иное лицо хочет внешне выглядеть как в общественном, так и в частном месте, относится к аспекту самовыражения личности каждого и, следовательно, к сфере личной жизни. Европейский Суд уже указывал на это применительно к выбору прически (см. Решение Европейского Суда по делу «Попа против Румынии» (Pora v. Romania) от 18 июня 2013 г., жалоба № 4233/09, §§ 32–33, см. также Решение Комиссии по правам человека по делу «Сюттер против Швейцарии» (Sutter v. Switzerland) от 1 марта 1979 г., жалоба № 8209/78). Как и Комиссия по правам человека (см., в частности, Решения Комиссии по правам человека по делам «Макфили и другие против Соединенного Королевства» (McFeeley and Others v. United Kingdom) от 15 мая 1980 г., жалоба № 8317/78, и «Кара против Соединенного Королевства» (Kara v. United Kingdom) от 22 октября 1998 г., жалоба № 36528/97), Европейский Суд полагает, что это также относится к выбору одежды. Следовательно, мера, предусмотренная властями и ограничивающая подобный выбор, как правило, представляет собой ограничение права на уважение личной жизни по смыслу статьи 8 Конвенции (см. упоминавшееся выше Решение Комиссии по правам человека по делу «Кара против Соединенного Королевства»). Соответственно, запрет ношения одежды, предназначенной для сокрытия лица в общественных

местах согласно Закону от 11 октября 2010 г., относится к сфере действия статьи 8 Конвенции.

108. При этом в той мере, в какой данный запрет оспаривается лицами, которые, как заявительница, жалуются на то, что им не разрешается носить в общественных местах одежду, которую они должны носить в соответствии с их практикой исповедования религии, он создает прежде всего проблему с точки зрения свободы каждого исповедовать свою религию или убеждения (см., в частности, Постановление Европейского Суда по делу «Ахмет Арслан и другие против Турции» (*Ahmet Arslan and Others v. Turkey*) от 23 февраля 2010 г., жалоба № 41135/98, § 35). При этом тот факт, что данная практика применяется в отношении меньшинства и является спорной (см. выше §§ 56 и 85), не имеет значения.

109. Таким образом, Европейский Суд рассматривает эту часть жалобы с точки зрения статей 8 и 9 Конвенции, но с акцентом на статью 9 Конвенции.

(i) Наличие «ограничения» или «вмешательства»

110. Как Европейский Суд уже подчеркивал ранее (см. выше § 57), Закон от 11 октября 2010 г. ставит заявительницу перед выбором, сравнимым с тем, наличие которого было установлено в упоминавшихся выше Постановлениях Европейского Суда по делам «Даджен против Соединенного Королевства» и «Норрис против Ирландии»: либо она подчиняется запрету и отказывается от одежды, соответствующей тому выбору, который продиктован ее религией, либо она не подчиняется и подвергается риску понести уголовное наказание. Следовательно, как с точки зрения статьи 8 Конвенции, так и с точки зрения статьи 9 Конвенции, заявительница находится в ситуации, аналогичной той, в которой находились заявители в делах «Даджен против Соединенного Королевства» и «Норрис против Ирландии», в которых Европейский Суд констатировал «постоянное вмешательство» в осуществление их прав, гарантированных статьями 8 Конвенции (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Даджен против Соединенного Королевства», § 41, и «Норрис против Ирландии», § 38, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мишо против Франции», § 92). Таким образом, в настоящем деле имеет место «вмешательство» или «ограничение» в осуществлении прав, гарантированных статьями 8 и 9 Конвенции.

111. Чтобы быть совместимыми со вторыми пунктами данных положений Конвенции, данное ограничение или вмешательство должно быть предусмотрено законом, преследовать одну или несколько правомерных целей, перечисленных в данных положениях, и быть «необходимым» «в

демократическом обществе» для достижения данных целей.

(ii) Было ли вмешательство «предусмотрено законом»

112. Европейский Суд полагает, что ограничение, о котором идет речь, предусмотрено статьями 1–3 Закона от 11 октября 2010 г. (см. выше § 28). Он также отмечает, что заявительница не оспаривала, что данные положения соответствовали критериям, установленным в прецедентной практике Европейского Суда в отношении пункта 2 статьи 8 Конвенции и пункта 2 статьи 9 Конвенции.

(iii) Правомерная цель

113. Европейский Суд напоминает, что перечень исключений из свободы каждого исповедовать свою религию или убеждения, который содержится в пункте 2 статьи 9 Конвенции, является исчерпывающим и что определение данных исключений является ограничительным (см., в частности, Постановление Европейского Суда по делу «Свято-Михайловский приход против Украины» (*Svyato-Mykhaylivska Parafiya v. Ukraine*) от 14 июня 2007 г., жалоба № 77703/01, § 132, и Постановление Европейского Суда по делу «Нолан и К. против Российской Федерации» (*Nolan and K. v. Russia*) от 12 февраля 2009 г., жалоба № 2512/04¹, § 73). Чтобы ограничение свободы исповедовать свою религию или убеждения было совместимым с Конвенцией, оно должно, в частности, преследовать цель, которая может быть связана с одной из тех, которые перечислены в данной статье Конвенции. Аналогичный подход применяется в отношении статьи 8 Конвенции.

114. Практика Европейского Суда состоит в том, чтобы быть достаточно кратким при проверке наличия правомерной цели по смыслу вторых пунктов статей 8–11 Конвенции (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лейла Шахин против Турции» (*Leyla Şahin v. Turkey*) от 10 ноября 2005 г., жалоба № 44774/98, § 99, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ахмет Арслан и другие против Турции», § 43). Однако в настоящем деле существо целей, озвученных в этой связи властями государства-ответчика и вызвавших резкое несогласие заявительницы, требует более глубокого изучения. Заявительница утверждала, что вмешательство в осуществление ее свободы исповедовать свою религию и в право на уважение ее личной жизни, которое было связано с запретом, введенным в действие Законом от 11 октября 2010 г., не отвечало какой-либо из

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2010. № 1 (примеч. редактора).

целей, перечисленных во втором пункте статей 8 и 9 Конвенции. Власти Франции утверждали, со своей стороны, что данный запрет преследовал две правомерные цели: защиту общественной безопасности и «уважение минимального набора ценностей открытого и демократического общества». Однако Европейский Суд отмечает, что во втором пункте статей 8 и 9 Конвенции явно не упоминаются ни вторая из этих целей, ни три ценности, на которые власти Франции ссылались в связи с этим.

115. Что касается первой цели, упомянутой властями Франции, Европейский Суд отмечает прежде всего, что «общественная безопасность» относится к числу целей, указанных во втором пункте статьи 9 Конвенции (*sécurité publique* во французском тексте статьи), а во втором пункте статьи 8 Конвенции указана аналогичная цель: «национальная безопасность» (*sûreté publique* во французском тексте статьи). Европейский Суд также отмечает, что власти Франции утверждали в этой связи, что спорный запрет ношения в общественных местах одежды, предназначенной для сокрытия лица, отвечал необходимости идентифицировать лиц для предупреждения посягательств на безопасность людей и имущества и для борьбы с мошенническим использованием личных данных. Принимая во внимание материалы дела, конечно, можно ставить под вопрос то, что законодатель придавал большое значение данным целям. Тем не менее необходимо отметить, что в пояснительной записке, которой сопровождался законопроект, упоминалось, хотя и во вторую очередь, что практика сокрытия лица «может при некоторых обстоятельствах представлять собой угрозу для общественной безопасности» (см. выше § 25) и что, как указал Конституционный совет, законодатель счел, что данная практика могла представлять собой угрозу для общественной безопасности (см. выше § 30). Аналогичным образом в докладе от 25 марта 2010 г. Государственный совет указал, что общественная безопасность могла являться основанием для запрета сокрытия лица, уточнив, однако, что при особых обстоятельствах могли быть исключения (см. выше §§ 22–23). В связи с этим Европейский Суд признает, что, приняв спорный запрет, законодатель стремился решить вопросы «национальной безопасности» или «общественной безопасности» по смыслу второго пункта статей 8 и 9 Конвенции соответственно.

116. Что касается второй упомянутой цели, «уважение минимального набора ценностей открытого и демократического общества», власти Франции ссылались на три ценности: соблюдение равенства между мужчинами и женщинами, уважение достоинства личности и соблюдение минимальных требований жизни в обществе. Власти Франции полагали, что данная цель относится к «защите прав и свобод других лиц», предусмотренной вторыми пунктами статей 8 и 9 Конвенции.

117. Как Европейский Суд уже отмечал, ни одна из этих ценностей явно не упомянута во вторых пунктах статей 8 и 9 Конвенции. Среди этих целей единственными, которые могут иметь отношение к настоящему делу, с точки зрения указанных ценностей, являются «общественный порядок» и «защита прав и свобод других лиц». Однако первый не упоминается в аутентичных текстах пункта 2 статьи 8 Конвенции. Кроме того, ни в своих письменных замечаниях по делу, ни при ответе на вопрос, заданный им в ходе публичного слушания, власти Франции не ссылались на данную цель, ограничившись лишь упоминанием «защиты прав и свобод других лиц». Таким образом, Европейский Суд сосредоточится на рассмотрении последней «правомерной цели», как он уже делал в упоминавшихся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лейла Шахин против Турции», § 111, и в Постановлении Европейского Суда по делу «Ахмет Арслан и другие против Турции», § 43).

118. Во-первых, Европейский Суд не убежден утверждениями властей Франции в отношении обеспечения равенства между мужчинами и женщинами.

119. Европейский Суд не сомневается в том, что гендерное равенство действительно может оправдывать вмешательство в осуществление некоторых прав и свобод, предусмотренных в Конвенции (см., *mutatis mutandis*, Решение Европейского Суда по делу «Компания “Стааткюндиг Гереформеерде Парти” против Нидерландов» (*Staatkundig Gereformeerde Partij v. Netherlands*) от 10 июля 2012 г., жалоба № 58369/10). Он напоминает в этой связи, что достижение гендерного равенства является сегодня важной целью в государствах – членах Совета Европы (см. *ibid.*, а также среди прочих примеров Постановления Европейского Суда по делам «Шулер-Цграгген против Швейцарии» (*Schuler-Zgraggen v. Switzerland*) от 24 июня 1993 г., жалоба № 14518/89, § 67, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Константин Маркин против Российской Федерации» (*Konstantin Markin v. Russia*) от 22 марта 2012 г., жалоба № 30078/06¹, § 127). Таким образом, государство, которое запрещает во имя гендерного равенства принуждать женщин скрывать лицо, преследует цель, которая соответствует «защите прав и свобод других лиц» по смыслу вторых пунктов статей 8 и 9 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лейла Шахин против Турции», § 111). Однако Европейский Суд считает, что государство не может ссылаться на гендерное равенство с целью запрещения практики, которую женщины защищают, как в деле заявительницы, в контексте

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6 (примеч. редактора).

осуществления прав, гарантированных данными положениями Конвенции. В противном случае это означало бы, что на таком основании частных лиц можно защищать от осуществления их собственных основных прав и свобод. Европейский Суд также отмечает, что в своем докладе от 25 марта 2010 г. Государственный совет Франции пришел к тому же выводу (см. выше § 22).

Кроме того, в связи с тем, что власти Франции стремились таким образом доказать, что ношение некоторыми женщинами одежды, скрывающей лицо, шокировало большинство французского населения, поскольку нарушало принцип гендерного равенства, общепризнанного во Франции, то Европейский Суд отсылает к своим доводам по поводу двух других ценностей, о которых упомянули власти Франции (см. ниже §§ 120–122).

120. Во-вторых, по мнению Европейского Суда, уважение достоинства личности, как бы оно ни было важно, не может правомерным образом оправдывать общий запрет ношения полностью скрывающей лицо одежды в общественных местах. Европейский Суд осознает, что этот спорный предмет одежды многими, кто его видит, кажется странным. Однако Европейский Суд должен отметить, что именно выражение культурной идентичности способствует плюрализму, присущему демократии. В этой связи Европейский Суд отмечает разнообразие понятий добродетели и достоинства, которые применяются к открытому человеческому телу. Кроме того, у Европейского Суда отсутствуют какие-либо доказательства, способные убедить его в том, что женщины, которые носят полностью скрывающую лицо одежду, стремятся выразить в определенной форме неуважение по отношению к тем, с кем они встречаются, или иным образом посягают на достоинство других лиц.

121. В-третьих, Европейский Суд считает, что при определенных условиях то, что власти Франции в пояснительной записке к законопроекту назвали «уважением минимальных требований жизни в обществе» «совместного проживания» (см. выше § 25), может относиться к такой правомерной цели, как «защита прав и свобод других лиц».

122. Европейский Суд принимает во внимание тот факт, что, по мнению властей Франции, человеческое лицо играет важную роль в ходе социального взаимодействия. Он может понять точку зрения тех лиц, которые, находясь в местах, открытых для всех, не хотели бы видеть такую практику или отношение, которые фундаментальным образом ставят под сомнение возможность открытых межличностных отношений, которая в силу устоявшегося консенсуса является неотъемлемым элементом общественной жизни в рассматриваемом обществе. Исходя из этого Европейский Суд допускает, что закрытость, которую демонстрирует другим полностью скрывающая лицо одежда, может рассматриваться властями государства-ответчика

как посягательство на право других развиваться в сфере социализации, упрощающей совместное проживание. При этом гибкость понятия «совместное проживание» и связанный с этим риск злоупотреблений вынуждают Европейский Суд провести тщательный анализ необходимости спорной меры.

(iv) Необходимость
в демократическом обществе

(а) Общие принципы, касающиеся
статьи 9 Конвенции

123. Поскольку Европейский Суд решил сделать акцент на статье 9 Конвенции при рассмотрении жалобы в данной части, он считает необходимым напомнить общие принципы, касающиеся этой статьи Конвенции.

124. В том виде, как он закреплен в статье 9 Конвенции, право на свободу мысли, совести и религии представляет собой одну из основ «демократического общества» по смыслу Конвенции. Эта свобода относится в своем религиозном аспекте к числу наиболее важных элементов идентичности верующих и их концепции жизни. Она также представляет собой ценность и для атеистов, агностиков, скептиков или равнодушных. Речь идет о плюрализме, столь дорогой ценой отвоєванной на протяжении столетий, плюрализме, который невозможно отделить от такого общества. Данная свобода предполагает, в частности, свободу присоединяться или нет к тому или иному вероисповеданию и свободу участвовать или нет в религиозных обрядах (см. помимо прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Коккинакис против Греции» (*Kokkinakis v. Greece*) от 25 мая 1993 г., жалоба № 14307/88¹, § 31, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бускарини и другие против Сан-Марино» (*Buscarini and Others v. San Marino*) от 18 февраля 1999 г., жалоба № 24645/94, § 34, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лейла Шахин против Турции», § 104).

125. Если свобода вероисповедания относится в первую очередь к внутренней сфере, она также предполагает свободу исповедовать свою религию самостоятельно и частным порядком либо вместе с другими публично и среди тех, кто разделяет ту же веру. В статье 9 Конвенции перечислены различные формы, которые может принимать исповедание религии или убеждений, а именно богослужения, обучение, отправление религиозных и культовых обрядов (см., *mutatis mutandis*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ша'аре Шалом Ве Цедек против

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 2 (примеч. редактора).

Франции» (Cha'are Shalom Ve Tsedek v. France) от 27 июня 2000 г., жалоба № 27417/95, § 73, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лейла Шахин против Турции», § 105).

Однако статья 9 Конвенции не защищает любое действие, мотивированное или вдохновленное религией или убеждениями, и не всегда гарантирует право вести себя в публичной сфере таким образом, который продиктован религией или убеждениями (см., например, доклад Комиссии по правам человека по делу «Эрроусмит против Соединенного Королевства» (Arrowsmith v. United Kingdom) от 12 октября 1978 г., жалоба № 7050/75, Постановление Европейского Суда по делу «Калач против Турции» (Kalaç v. Turkey) от 1 июля 1997 г., жалоба № 20704/92, § 27, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лейла Шахин против Турции», §§ 105 и 121).

126. В демократическом обществе, в котором среди населения сосуществуют различные религии, может оказаться необходимым предусмотреть ограничения свободы исповедовать религию или убеждения с целью примирить интересы различных групп и обеспечить уважение убеждений каждого лица (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Коккинакис против Греции», § 33). Это следует одновременно из пункта 2 статьи 9 Конвенции и из позитивных обязательств, которые возложены на государство в соответствии со статьями 1 Конвенции, по признанию за каждым лицом, находящимся под его юрисдикцией, прав и свобод, определенных в Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лейла Шахин против Турции», § 106).

127. Европейский Суд часто делал акцент на роли государства как нейтрального и беспристрастного организатора решения вопросов, связанных с практиками различных религий, культов и верований, и указывал, что данная роль способствует обеспечению общественного порядка, религиозного мира и терпимости в демократическом обществе. Как отмечалось ранее, Европейский Суд полагает, что обязанность по соблюдению нейтральности и беспристрастности государства несовместима с какими-либо полномочиями последнего по оценке правомерности религиозных верований и условий их выражения (см., в частности, Постановление Европейского Суда по делу «Мануссакис и другие против Греции» (Manoussakis and Others v. Greece) от 26 сентября 1996 г., жалоба № 18748/91, § 47, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии» (Hasan and Chaush v. Bulgaria) от 26 октября 2000 г., жалоба № 30985/96, § 78, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Партия “Рефах” (Партия благочестия) и другие против Турции» (Refah Partisi

(the Welfare Party) and Others v. Turkey) от 13 февраля 2003 г., жалобы №№ 41340/98, 41342/98, 41343/98 и 41344/98, § 91) и что данная обязанность требует от государства обеспечивать минимальную терпимость между противоположными группами (см. среди прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лейла Шахин против Турции», § 107). Следовательно, роль властей при таких обстоятельствах заключается не в том, чтобы устранять причину напряженности, ликвидируя плюрализм, а в том, чтобы обеспечить взаимную терпимость противоположных групп по отношению друг к другу (см. Постановление Европейского Суда по делу «Сериф против Греции» (Serif v. Greece) от 14 декабря 1999 г., жалоба № 38178/97, § 53, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лейла Шахин против Турции», § 107).

128. Плюрализм, толерантность и широта мировоззрения являются признаками демократического общества. Несмотря на то, что иногда необходимо подчинять интересы отдельных лиц интересам группы, демократия не сводится к постоянному доминированию мнения большинства, но требует равновесия, которое обеспечивает лицам, относящимся к меньшинствам, справедливое обращение и исключает любое злоупотребление доминирующим положением (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Янг, Джеймс и Вебстер против Соединенного Королевства» (Young, James and Webster v. United Kingdom) от 13 августа 1981 г., жалобы №№ 7601/76 и 7806/76, § 63, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шассаньо и другие против Франции» (Chassagnou and Others v. France) от 29 апреля 1999 г., жалобы №№ 25088/94, 28331/95 и 28443/95, § 112). Плюрализм и демократия должны также быть основаны на диалоге и духе компромисса, который обязательно влечет за собой различные уступки со стороны отдельных лиц или групп индивидов, обоснованно необходимые для поддержания и продвижения идеалов и ценностей демократического общества (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Объединенная коммунистическая партия Турции и другие против Турции» (United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey) от 30 января 1998 г., жалоба № 19392/92, § 45, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Партия “Рефах” (Партия благочестия) и другие против Турции», § 99). Если «права и свободы других лиц» упомянуты среди тех, которые гарантированы Конвенцией или Протоколами к ней, необходимо признать, что необходимость их защиты может заставить государства ограничить иные права и свободы, также закрепленные в Конвенции: именно этот постоянный поиск рав-

новесия между основными правами каждого лица составляет основу «демократического общества» (см. упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Шассаньо и другие против Франции», § 113, и «Лейла Шахин против Турции», § 108).

129. Необходимо также напомнить о фундаментально субсидиарной роли механизма Конвенции. Власти страны обладают непосредственной демократической легитимностью и, как Европейский Суд много раз указывал, как правило, находятся в лучшем положении по сравнению с международным судом, для того, чтобы оценивать местные потребности и условия. Когда затронуты вопросы общей политики, относительно которых в демократическом обществе разумно ожидать наличия больших разногласий, необходимо придавать особую важность роли органов, принимающих решения на уровне страны (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морис против Франции» (*Maurice v. France*) от 21 июня 2006 г., жалоба № 11810/03, § 117). Так обстоит дело, в частности, когда речь идет об отношениях государства и церкви (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ша'аре Шалом Ве Цедек против Франции», § 84, Постановление Европейского Суда по делу «Уингроув против Соединенного Королевства» (*Wingrove v. United Kingdom*) от 25 ноября 1996 г., жалоба № 17419/90, § 58, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лейла Шахин против Турции», § 109). Что касается статьи 9 Конвенции, властям государства, таким образом, необходимо, как правило, предоставлять широкие пределы усмотрения при разрешении вопроса о том, является ли «необходимым» ограничение права исповедовать религию или убеждения и, если да, в какой степени. При этом для того, чтобы определить широту допустимых для властей государства пределов усмотрения в конкретном деле, Европейский Суд также должен принимать во внимание то, что поставлено на карту в данном деле (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мануссакис и другие против Греции», § 44, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лейла Шахин против Турции», § 110). В случае необходимости он также может принимать во внимание наличие консенсуса среди государств – участников Конвенции и общие для них ценности, установленные в их практике (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Баятыан против Армении» (*Bayatyan v. Armenia*) от 7 июля 2011 г., жалоба № 23459/03¹, § 122).

130. В упомянутом выше Постановлении Большой Палаты по делу «Лейла Шахин против Турции» Европейский Суд указал, что это, в частности, будет особенно важно, когда речь идет о регулировании ношения религиозных символов в образовательных учреждениях, с учетом разнообразия подходов, которых придерживаются власти разных стран по данному вопросу. Ссылаясь на свое Постановление по делу «Отто-Премингер-Институт против Австрии» (*Otto-Preminger-Institut v. Austria*) от 20 сентября 1994 г., жалоба № 13470/87, § 50, и на Решение по делу «Дахлаб против Швейцарии» (*Dahlab v. Switzerland*) от 15 февраля 2001 г., жалоба № 42393/98, Европейский Суд добавил, что в Европе нельзя было выявить единообразной концепции о важности религии в обществе и что значение или последствия публичного выражения религиозных верований различаются в зависимости от времени и контекста. Европейский Суд отметил, что законодательство в данной сфере могло отличаться в разных странах в зависимости от национальных традиций и требований, связанных с правами и свободами других лиц и поддержанием общественного порядка. Исходя из этого Европейский Суд делал вывод о том, что выбор, касающийся пределов и условий такой законодательной регламентации, в силу объективных причин должен быть оставлен на усмотрение соответствующего государства, поскольку он зависит от существующего в этом государстве контекста (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лейла Шахин против Турции», § 109).

131. Допустимые для властей государства пределы усмотрения, тем не менее, сопровождаются европейским контролем в отношении как законодательства, так и решений по его применению. Задача Европейского Суда состоит в проверке того, были ли меры, принятые на внутригосударственном уровне, оправданы в принципе, и были ли они соразмерны (см., в частности, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мануссакис и другие против Греции», § 44, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лейла Шахин против Турции», § 110).

(β) Применение вышеизложенных принципов в ранее рассмотренных делах

132. Европейский Суд уже рассмотрел несколько дел с учетом вышеизложенных принципов.

133. Он высказывал свое мнение по поводу запрета ношения религиозных символов в государственных образовательных учреждениях в отношении преподавателей (см., в частности, упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Дахлаб против Швейцарии», а также Решение Европейского Суда по делу «Куртулмуш против

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 5 (примеч. редактора).

Турции» (*Kurtulmuş v. Turkey*) от 24 января 2006 г., жалоба № 65500/01), а также учеников школ и студентов (см., помимо прочих, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лейла Шахин против Турции», Решение Европейского Суда по делу «Кёсе и другие против Турции» (*Köse and Others v. Turkey*) от 24 января 2006 г., жалоба № 26625/02, Постановление Европейского Суда по делу «Керванчи против Франции» (*Kervanci v. France*) от 4 декабря 2008 г., жалоба № 31645/04, Решение Европейского Суда по делу «Акта против Франции» (*Aktas v. France*) от 30 июня 2009 г., жалоба № 43563/08, и Решение Европейского Суда по делу «Ранжит Синг против Франции» (*Ranjit Singh v. France*) от 30 июня 2009 г., жалоба № 27561/08), по поводу обязанности снимать одежду с религиозной коннотацией в контексте проверок безопасности (см. упоминавшиеся выше Решения Европейского Суда по делам «Фюль против Франции» и «Эль-Морсли против Франции» и в связи с обязанностью фотографироваться с непокрытой головой для получения официальных документов (см. Решение Европейского Суда по делу «Манн Синг против Франции» (*Mann Singh v. France*) от 13 ноября 2008 г., жалоба № 24479/07). Европейский Суд не установил нарушения статьи 9 Конвенции ни в одном из этих случаев.

134. Европейский Суд также рассмотрел два дела, в которых заявительницы жаловались, в частности, на ограничения их работодателями возможности носить нательный крест так, чтобы его было видно, и утверждали, что законодательство страны не защищало их право исповедовать свою религию надлежащим образом. Одна заявительница работала в авиакомпании, другая – была медсестрой (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эвейда и другие против Соединенного Королевства»). Первый случай, в котором Европейский Суд пришел к выводу о нарушении статьи 9 Конвенции, имеет большее значение для настоящего дела. Европейский Суд, в частности, решил, что судебные инстанции страны придали слишком много значения стремлению работодателя создать определенный корпоративный имидж компании, хотя такое стремление и было признано правомерным, по сравнению с основополагающим правом заявительницы исповедовать свои религиозные убеждения. По последнему пункту Европейский Суд подчеркнул, что здоровое демократическое общество должно было проявлять терпимость и поддерживать плюрализм и разнообразие и что было важно, чтобы лицо, которое сделало вероисповедание центральным элементом своей жизни, могло донести свои религиозные убеждения до других лиц. Европейский Суд далее отметил, что нательный крест был маленьким и не выделялся на фоне профессиональной формы заявительницы. В деле также не было

доказательств того, что ношение иных, ранее разрешенных символов принадлежности к религии, имело какие-либо негативные последствия для имиджа авиакомпании. Подчеркнув, что внутригосударственные власти и, в частности, суды располагают определенными пределами усмотрения при оценке соразмерности мер, принятых частной компанией в отношении своих сотрудников, Европейский Суд пришел к выводу о нарушении статьи 9 Конвенции.

135. В упоминавшемся выше Постановлении по делу «Ахмет Арслан и другие против Турции» Европейский Суд также рассмотрел вопрос о запрете ношения вне религиозных церемоний определенной религиозной одежды в открытых для всех общественных местах, таких как улицы или площади. Спорная одежда, которую носили члены группы *Aczimendi tarikati*, состояла из тюрбана, шаровар и туники черного цвета, а также трости. Европейский Суд ввиду обстоятельств дела и решений судов Турции, а также с учетом, в частности, важности принципа секуляризма для демократической системы в Турции признал, что в той мере, в которой его целью было обеспечить соблюдение светских и демократических принципов, данное вмешательство преследовало несколько правомерных целей, перечисленных в пункте 2 статьи 9 Конвенции: поддержание общественной безопасности и порядка, а также защиту прав и свобод других лиц. Однако Европейский Суд счел, что необходимость данного ограничения для достижения указанных целей не была доказана.

Европейский Суд отметил, что запрет распространялся не на представителей государства, исполняющих свои функции и связанных в силу официального статуса обязанностью осмотрительности при публичном выражении религиозных убеждений, а на обычных граждан. Таким образом, прецедентная практика, касавшаяся представителей государства, в частности, преподавателей, не подлежала применению. Европейский Суд также констатировал, что запрет распространялся не на конкретные государственные учреждения, а на все общественные места. Соответствующая, прецедентная практика, в которой подчеркивалась особая важность роли органа, принимающего решения на уровне страны, применительно к ношению религиозных символов в государственных образовательных учреждениях также не подлежала применению. Европейский Суд также отметил, что из материалов дела не следовало, что способ, которым заявители, собравшиеся перед мечетью в оспариваемой одежде с одной-единственной целью участвовать в церемонии религиозного характера, выражали свои убеждения с помощью особой одежды, представлял или мог представлять угрозу общественному порядку или являться формой давления на других лиц. Наконец, отвечая на довод властей Турции о возможности прозелитизма со стороны

заявителей, Европейский Суд отметил, что ничто в материалах дела не указывало на то, что заявители пытались оказать ненадлежащее влияние на прохожих на улицах и площадях с целью распространения своих религиозных убеждений. С учетом вышеизложенного Европейский Суд пришел к выводу, что по делу не было допущено нарушения статьи 9 Конвенции.

136. Среди всех дел, связанных со статьей 9 Конвенции, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ахмет Арслан и другие против Турции» ближе всех к настоящему делу. Однако если оба дела касаются запрета ношения одежды с религиозной коннотацией в общественных местах, настоящее дело значительно отличается от дела «Ахмет Арслан и другие против Турции», поскольку исламская одежда, полностью скрывающая лицо, представляет собой особый предмет одежды, который полностью скрывает лицо, возможно, оставляя открытыми глаза.

(γ) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

137. Европейский Суд сразу подчеркивает, что довод заявительницы и некоторых третьих сторон о том, что запрет, предусмотренный в статьях с первой по третью Закона от 11 октября 2010 г., был основан на ошибочном предположении о том, что соответствующие женщины носили полностью скрывающую лицо одежду под принуждением, не имеет значения для дела. Из пояснительной записки, которой сопровождался законопроект (см. выше § 25), ясно следовало, что главной целью данного запрета не являлась защита женщин от практики, которая предположительно была им навязана или причиняла им ущерб.

138. Сделав это уточнение, Европейский Суд должен проверить, было ли спорное вмешательство «необходимым» «в демократическом обществе» для защиты общественной безопасности по смыслу статей 8 и 9 Конвенции (см. выше § 115) или для «защиты прав и свобод других лиц» (см. выше § 116).

139. Что касается необходимости для защиты общественной безопасности по смыслу статей 8 и 9 Конвенции (см. выше § 115), Европейский Суд понимает, что государство может считать важным, чтобы существовала возможность идентифицировать лиц с целью предупреждения посягательств на безопасность людей и имущества и борьбы с мошенническим использованием личных данных. В делах, касавшихся обязанности снять тот или иной предмет одежды, имеющий религиозную коннотацию, в рамках контроля безопасности и обязанности фотографироваться с непокрытой головой для официальных документов (см. выше § 133), Европейский Суд приходил к выводу об отсутствии нарушения статьи 9 Конвенции. Однако

ввиду его последствий для прав женщин, которые хотят носить в общественных местах одежду, предназначенную для сокрытия лица, полный запрет ношения полностью скрывающей лицо одежды может считаться соразмерным только в случае наличия контекста, подтверждающего наличие общей угрозы для общественной безопасности. Однако власти Франции не доказали, что запрет, установленный Законом от 11 октября 2010 г., был вызван таким контекстом. Что касается соответствующих женщин, они теперь вынуждены полностью отказаться от элемента их идентичности, который они считают важным, а также от избранного ими способа исповедовать свою религию или убеждения, в то время как цель, озвученная властями Франции, могла быть достигнута путем установления простого обязательства открывать лицо и идентифицировать себя при наличии риска для безопасности людей и имущества или при обстоятельствах, позволяющих подозревать мошенничество с использованием личных данных. Таким образом, нельзя сказать, что общий запрет, установленный Законом от 11 октября 2010 г., является необходимым в демократическом обществе для общественной безопасности по смыслу статей 8 и 9 Конвенции.

140. Необходимо также проверить ситуацию, связанную с другой целью, которую Европейский Суд признал правомерной: обеспечение соблюдения минимальных требований жизни в обществе как часть «защиты прав и свобод других лиц» (см. выше §§ 121–122).

141. Европейский Суд отмечает, что этой цели власти Франции придавали большое значение. Это можно видеть, в частности, из пояснительной записки, которой сопровождался законопроект и в которой указывалось, что «добровольное сокрытие лица представляет собой проблему, поскольку оно противоречит основополагающим требованиям “совместного проживания” во французском обществе» и что «систематическое сокрытие лица в общественных местах, противоречащее идеалу братства... не соответствует минимальному требованию воспитанности, которая необходима для общественных отношений» (см. выше § 25). А в функции государства как раз входит обеспечение условий, позволяющих людям жить вместе при всех их отличиях. Более того, Европейский Суд может согласиться с тем, что государство может считать важным придавать в этом контексте особое значение межличностному взаимодействию и что оно может полагать, что данное взаимодействие затруднено, если некоторые люди скрывают свои лица в общественных местах (см. выше § 122).

142. В связи с этим Европейский Суд полагает, что оспариваемый запрет может считаться обоснованным постольку, поскольку он призван обеспечить условия «совместного проживания».

143. Остается проверить, был ли запрет соразмерен данной цели.

144. Некоторые доводы заявительницы и третьих сторон заслуживают особого внимания.

145. Так, количество женщин, затронутых запретом, действительно небольшое. Из доклада «О практике ношения полностью скрывающей лицо одежды на территории страны», подготовленного парламентской комиссией Национальной ассамблеи и представленного 26 января 2010 г., следовало, что в конце 2009 года во Франции около 1 900 женщин носили исламскую одежду, полностью скрывающую лицо, из которых 270 проживали на заморских территориях. Эти данные невелики по сравнению с около 65 миллионами жителей Франции и с количеством проживающих в ней мусульман. Соответственно, реагирование на такую ситуацию путем принятия закона об общем запрете может представляться чрезмерным.

146. Кроме того, не вызывает сомнения тот факт, что запрет привел к очень негативным последствиям для женщин, которые, как заявительница, решили носить полностью скрывающую лицо одежду по причинам, связанным с их убеждениями. Как было указано ранее, запрет ставит их перед сложным выбором и может привести к их изоляции или ограничению независимости, а также повлиять на осуществление ими свободы исповедовать свои убеждения и права на уважение личной жизни. Помимо этого, как можно понять, эти женщины рассматривают данный запрет как посягательство на их идентичность.

147. Вместе с тем необходимо отметить, что многие международные и внутригосударственные организации по защите прав человека считают, что общий запрет является несоразмерным. Так полагают, в частности, Национальная консультативная комиссия по правам человека (см. выше §§ 18–19), неправительственные организации, такие как третьи стороны, Парламентская Ассамблея Совета Европы (см. выше §§ 35–36) и Комиссар по правам человека Совета Европы (см. выше § 37).

148. Европейский Суд также осознает, что Закон от 11 октября 2010 г. и некоторые разногласия, которыми сопровождалась его разработка, могли болезненно восприниматься частью мусульманского сообщества, в том числе теми из его членов, которые не являются сторонниками ношения полностью скрывающей лицо одежды.

149. В связи с этим Европейский Суд очень обеспокоен предоставленными некоторыми из третьих сторон сведениями, согласно которым дискуссия, предшествовавшая принятию Закона от 11 октября 2010 г., сопровождалась замечаниями исламофобского характера (см. замечания по делу Центра по правам человека университета г. Гент и неправительственных организаций «Свобода» и «Правовая инициатива открытого общества», см. выше §§ 98, 100 и 104). Безусловно, Европейскому Суду не сле-

дует высказывать мнение по поводу целесообразности принятия законов по данному вопросу. Тем не менее он подчеркивает, что государство, которое начинает законодательный процесс такого рода, принимает на себя риск способствовать консолидации стереотипов, которые влияют на определенные категории лиц, и выражению нетерпимости, в то время как оно, напротив, должно поощрять терпимость (см. выше § 128, а также «точку зрения» Комиссара по правам человека Совета Европы см. выше, в § 37). Европейский Суд напоминает, что замечания, представляющие собой общие и резкие нападки на религиозную или этническую группу, являются несовместимыми с ценностями терпимости, социального мира и недискриминации, которые лежат в основе Конвенции и не относятся к сфере защиты права на свободу выражения мнения, закрепленного в Конвенции (см. среди прочих примеров Решение Европейского Суда по делу «Норвуд против Соединенного Королевства» (Norwood v. United Kingdom) от 16 ноября 2004 г., жалоба № 23131/03¹, и Решение Европейского Суда по делу «Павел Иванов против Российской Федерации» (Pavel Ivanov v. Russia) от 20 февраля 2007 г., жалоба № 35222/04).

150. Другие доводы, представленные в поддержку жалобы, нуждаются в комментариях.

151. Так, сфера применения запрета действительно очень широка, поскольку он распространяется на все общественные места (за исключением мест богослужения). Однако Закон от 11 октября 2010 г. не влияет на свободу носить в общественных местах любые предметы одежды, как имеющие религиозную коннотацию, так и не имеющие таковой, которые не скрывают лицо. Европейский Суд понимает, что оспариваемый запрет касается главным образом женщин-мусульманок, которые хотят носить полностью скрывающую лицо одежду. Тем не менее Европейский Суд придает важное значение тому обстоятельству, что данный запрет явно не основан на религиозной коннотации соответствующей одежды, он обоснован только тем, что женщина скрывает свое лицо. В этом аспекте настоящее дело отличается от упоминавшегося выше Постановления Европейского Суда по делу «Ахмет Арслан и другие против Турции».

152. Факт того, что запрет сопровождался уголовными санкциями, без сомнения, усиливает влияние запрета на соответствующих лиц. Очевидно, что уголовное преследование за сокрытие лица на публике представляет собой травму для женщин, которые решили носить полностью скрывающую лицо одежду по причинам, связанным с их убеждениями. Однако необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что меры уголовного наказания, выбранные законодателем, относятся

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 10 (примеч. редактора).

к наименее строгим среди тех, которые могли быть установлены, поскольку речь идет о штрафе, предусмотренном для мелких правонарушений второго класса (в настоящее время максимум 150 евро), а также полномочии судьи заменить или дополнить его обязанностью пройти курс гражданского обучения.

153. Кроме того, конечно, как подчеркивает заявительница, запретив каждому носить в общественных местах одежду, предназначенную для сокрытия лица, власти государства-ответчика определенным образом ограничивают пространство плюрализма в той мере, в какой запрет препятствует некоторым женщинам выражать свою личность и свои убеждения путем ношения полностью скрывающей лицо одежды на публике. Однако власти Франции со своей стороны указали, что для них речь идет о реакции на практику, которую они считают несовместимой во французском обществе с условиями социального взаимодействия и, шире, «совместного проживания». С этой точки зрения, власти Франции стремятся защитить способ взаимодействия между людьми, который, по их мнению, является важным проявлением не только плюрализма, но также терпимости и открытости, без которых не существует демократического общества (см. выше § 128). Представляется также, что вопрос о принятии или непринятии полностью скрывающей лицо одежды является выбором общества.

154. В этом случае Европейский Суд должен проявлять сдержанность при осуществлении проверки соответствия оспариваемой меры Конвенции, поскольку она предполагает оценку баланса, установленного путем демократического процесса в обществе, о котором идет речь. В остальном Европейский Суд уже напоминал о том, что, когда речь идет о вопросах общей политики, относительно которых в демократическом обществе разумно ожидать наличия больших разногласий, необходимо придавать особую важность роли органов, принимающих решения на внутригосударственном уровне (см. выше § 129).

155. Иными словами, пределы усмотрения, предоставленные властям Франции, в настоящем деле были широкими.

156. Это тем более верно, поскольку в государствах – членах Совета Европы отсутствует общая точка зрения (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «X, Y и Z против Соединенного Королевства» (X, Y and Z v. United Kingdom) от 22 апреля 1997 г., жалоба № 21830/93, § 44) по вопросу ношения одежды, скрывающей лицо в общественных местах. Европейский Суд отмечает, что в отличие от того, что утверждали третьи стороны (см. выше § 105), в Европе отсутствует консенсус относительно неприемлемости запрета. Конечно, с чисто нормативной точки зрения, Франция находится в миноритарном

положении по отношению к другим европейским государствам: кроме Бельгии, ни в одном другом государстве – члене Совета Европы до настоящего момента не принято подобных мер. Однако необходимо отметить, что вопрос о ношении полностью скрывающей лицо одежды в общественных местах обсуждался или обсуждается в нескольких европейских странах. В некоторых из них было принято решение не вводить общий запрет. В других по-прежнему существует возможность применения данной меры (см. выше § 40). К этому следует добавить, что в некоторых государствах – членах Совета Европы вопрос о ношении полностью скрывающей лицо одежды, вероятно, не возникает, поскольку в них отсутствует подобная практика. Исходя из изложенного, представляется, что в Европе отсутствует консенсус по данному вопросу как в пользу, так и против ношения полностью скрывающей лицо одежды в общественных местах.

157. Следовательно, в частности, ввиду пределов усмотрения, которыми обладали власти Франции в настоящем деле, Европейский Суд приходит к выводу, что запрет, установленный Законом от 11 октября 2010 г., может считаться соразмерным преследуемой цели, а именно сохранению условий «совместного проживания» как элемента «защиты прав и свобод других лиц».

158. Таким образом, оспариваемое ограничение может быть признано «необходимым» «в демократическом обществе». Данный вывод относится как к статье 8 Конвенции, так и к статье 9 Конвенции.

159. Соответственно, по делу не было допущено нарушения ни статьи 8 Конвенции, ни статьи 9 Конвенции.

(b) Предполагаемые нарушения статей 8 и 9 Конвенции во взаимосвязи со статьей 14 Конвенции

160. Европейский Суд отмечает, что заявительница жаловалась на косвенную дискриминацию. Она указала в этом отношении, что как мусульманка, желающая носить полностью скрывающую лицо одежду в общественных местах по религиозным мотивам, она принадлежала к категории лиц, которые были особенно затронуты запретом и санкциями, установленными за его нарушение.

161. Европейский Суд напоминает, что политика или общая мера, которые имеют несоразмерные негативные последствия для группы лиц, могут считаться дискриминационными, даже если они явно не направлены на данную группу и если отсутствует какое-либо намерение подвергнуть дискриминации членов этой группы (см., в частности, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «D.H. и другие против Чешской Республики» (D.H. and Others v. Czech Republic) от 13 ноября 2007 г., жалоба № 57325/00, §§ 175 и 184–185). Однако это имеет место только в том

случае, если данная политика или мера лишены «объективного и разумного» обоснования, то есть не преследуют правомерной цели или если отсутствуют «разумные отношения соразмерности» между использованными средствами и преследуемой целью (см. *ibid.*, § 196). Однако в настоящем деле, если можно считать, что запрет, установленный Законом от 11 октября 2010 г., имел негативные последствия для положения женщин-мусульманок, которые по религиозным убеждениям хотели носить полностью скрывающую лицо одежду в общественных местах, у данной меры было объективное и разумное объяснение по изложенным выше причинам (см. выше §§ 144–159).

162. Следовательно, по делу не было допущено нарушения статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьями 8 или 9 Конвенции.

(с) Предполагаемые нарушения статьи 10 Конвенции, рассмотренной в отдельности и во взаимосвязи со статьей 14 Конвенции

163. Европейский Суд полагает, что в настоящем деле не возникает отдельных вопросов с точки зрения статьи 10 Конвенции, взятой как в отдельности, так и во взаимосвязи со статьей 14 Конвенции, отличных от тех, которые были рассмотрены с точки зрения статей 8 и 9 Конвенции.

На основании изложенного Большая Палата Европейского Суда:

1) *отклонила* единогласно предварительные доводы властей Франции;

2) *объявила* единогласно приемлемой для рассмотрения по существу жалобу в отношении статей 8–10 Конвенции, а также статей 8–10 Конвенции во взаимосвязи со статьей 14 Конвенции, а в остальной части – неприемлемой;

3) *постановила* 15 голосами «за» при двух – «против», что по делу не было допущено нарушения статьи 8 Конвенции;

4) *постановила* 15 голосами «за» при двух – «против», что по делу не было допущено нарушения статьи 9 Конвенции;

5) *постановила* единогласно, что по делу не было допущено нарушения статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьями 8 или 9 Конвенции;

6) *постановила* единогласно, что по делу не возникает отдельных вопросов по смыслу статьи 10 Конвенции, взятой в отдельности или во взаимосвязи со статьей 14 Конвенции.

Совершено на английском и французском языках, оглашено в открытом судебном заседании во Дворце прав человека в г. Страсбурге 1 июля 2014 г.

Эрик ФРИБЕРГ
Секретарь-Канцлер
Суда

Дин ШПИЛЬМАНН
Председатель
Большой Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению прилагается отдельное мнение судей Ангелики Нуссбергер и Хелены Ядерблом.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ АНГЕЛИКИ НУССБЕРГЕР И ХЕЛЕНА ЯДЕРБЛОМ

А. ПРИНЕСЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРАВ В ЖЕРТВУ АБСТРАКТНЫМ ПРИНЦИПАМ

1. Мы признаем, что в настоящем Постановлении, даже если в нем не было установлено нарушения Конвенции, использован сбалансированный подход, тщательно взвешены многие важные доводы против запрета сокрытия лица в общественных местах и рассмотрены связанные с этим проблемы.

2. Тем не менее мы не можем разделить мнение большинства судей, поскольку, по нашему мнению, они приносят конкретные индивидуальные права, гарантированные Конвенцией, в жертву абстрактным принципам. Вызывает сомнение то, что полный запрет ношения полностью скрывающей лицо одежды в общественных местах преследует правомерную цель (см. раздел В ниже). В любом случае такой далеко идущий запрет, затрагивающий право на культурную и религиозную идентичность, не является необходимым в демократическом обществе (см. раздел С ниже). Следовательно, мы приходим к выводу, что по делу было допущено нарушение статей 8 и 9 Конвенции (см. раздел D ниже).

В. ОТСУТСТВИЕ ПРАВОМЕРНОЙ ЦЕЛИ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ КОНВЕНЦИЕЙ

3. Большинство судей справедливо утверждают, что ни соблюдение равенства между мужчинами и женщинами, ни уважение человеческого достоинства не могут правомерно оправдывать запрет сокрытия лица в общественных местах (см. §§ 118–120 настоящего Постановления). Также правильно полагать, что необходимость идентификации людей в общественных местах с целью предупреждения угроз для безопасности лиц и имущества и борьбы с мошенническим использованием личных данных является правомерной целью с точки зрения Конвенции (см. § 115 настоящего Постановления), но может считаться соразмерной только при наличии общей угрозы для общественной безопасности (см. § 139 настоящего Постановления).

4. Однако большинство судей увидели правомерную цель в обеспечении условий «совместного проживания» путем «соблюдения минимальных требований жизни в обществе», которое понимает-

ся как элемент «прав и свобод других лиц» по смыслу вторых пунктов статей 8 и 9 Конвенции (см. §§ 140–142 настоящего Постановления). У нас имеются сильные возражения против такого подхода.

5. В прецедентной практике Европейского Суда отсутствует ясность относительно того, что может охватываться понятием «права и свободы других лиц» за рамками прав, гарантированных Конвенцией. Очень общее понятие «совместное проживание» непосредственно не относится к сфере действия какого-либо из прав и свобод, предусмотренных Конвенцией. Даже если его можно рассматривать как касающееся нескольких прав, таких как право на уважение личной жизни (статья 8 Конвенции) и запрет дискриминации (статья 14 Конвенции), данное понятие представляется натянутым и расплывчатым.

6. Очень важно понять, что лежит в основе стремления защитить людей от встреч с теми, кто носит полностью скрывающую лицо одежду. Большинство судей говорят о «практике или отношении, которые фундаментальным образом ставят под сомнение возможность открытых межличностных отношений» (см. § 122 настоящего Постановления). Правительство Нидерландов, объясняя в парламенте страны необходимость принятия закона, указало не только на угрозу для «социального взаимодействия», но и на субъективное «чувство безопасности» (см. § 50 настоящего Постановления). Нам, однако, кажется, что подобные опасения и чувство тревоги вызваны не столько самим видом оспариваемой одежды, которая, в отличие, возможно, от других предметов одежды не может восприниматься как агрессия *per se*, а философией, которая с ней связана. Таким образом, постоянно упоминающиеся причины для нетерпимости по отношению к полностью скрывающей лицо одежды основаны на толкованиях ее символического значения. В первом докладе парламентской комиссии Франции «О практике ношения полностью скрывающей лицо одежды на территории страны» такая одежда рассматривалась как «символ определенной формы подчинения» (см. § 17 настоящего Постановления). В пояснительной записке к французскому законопроекту отмечалось «символическое и обезчеловечивающее насилие», которое несет в себе такая одежда (см. § 25 настоящего Постановления). Полностью скрывающая лицо одежда связывалась с тем, «чтобы кто-то замыкался в себе и был отрезан от других, при этом проживая рядом с ними». Женщины, которые носят подобную одежду, описывались как «стертые» из общественного пространства (см. § 82 Постановления).

7. Все эти толкования были поставлены под сомнение заявителем, которая утверждала, что она носила полностью скрывающую лицо одежду только в зависимости от ее духовного состояния (см. § 12 настоящего Постановления) и не рассма-

тривала ее как непреодолимый барьер для общения или интеграции. Но даже предположив, что такие толкования полностью скрывающей лицо одежды правильны, необходимо подчеркнуть, что не существует права не быть шокированным или провоцированным различными моделями культурной или религиозной идентичности, даже теми, которые очень далеки от традиционного французского или европейского стиля жизни. В контексте свободы выражения мнения Европейский Суд много раз повторял, что Конвенция защищает не только мнения, «которые принимаются благосклонно или воспринимаются как безобидные или безразличные, но и... те, которые оскорбляют, шокируют или беспокоят», указывая, что «таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых нет “демократического общества”» (см. среди прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Швейцарское движение раэлитов против Швейцарии» (*Mouvement raëlien suisse v. Switzerland*) от 13 июля 2012 г., жалоба № 16354/06, § 48, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штолль против Швейцарии» (*Stoll v. Switzerland*) от 10 декабря 2007 г., жалоба № 69698/01, § 101). Аналогичным образом должна рассматриваться ситуация, когда речь идет о предметах одежды, отражающих радикальные взгляды.

8. Кроме того, сложно утверждать, что человек имеет право контактировать с другими лицами в общественных местах против их воли. В противном случае данное право должно сопровождаться соответствующей обязанностью. Это не соответствовало бы духу Конвенции. Если можно допустить, что коммуникация является важной для жизни в обществе, то право на уважение личной жизни также включает право не общаться и не контактировать с другими лицами в общественных местах – право быть сторонним наблюдателем.

9. Это правда, что «совместное проживание» требует наличия возможности межличностного общения. Верно также и то, что лицо играет важную роль во взаимодействии людей. Но эту мысль нельзя перевертывать и делать вывод о том, что взаимодействие людей невозможно, если лицо человека не открыто полностью. Это подтверждается примерами, которые полностью соответствуют европейской культуре, такими как катание на лыжах или управление мотоциклом в шлемах, полностью скрывающих лицо, ношение карнавальных костюмов. Никто не будет утверждать, что в подобных ситуациях (которые относятся к исключениям, предусмотренным французским законом) минимальные требования жизни в обществе не соблюдены. Люди могут общаться и без того, чтобы смотреть друг другу в глаза.

10. Мы не считаем, что большинство судей продемонстрировали, какие конкретные права других лиц по смыслу вторых пунктов статей 8 и 9

Конвенции могли быть выведены из абстрактного принципа «совместного проживания» или «минимальных требований жизни в обществе».

11. Постольку, поскольку эти идеи могут пониматься как являющиеся частью «общественного порядка», мы согласны с большинством судей в том, что фокусироваться на данной цели было бы нецелесообразно (см. § 117 настоящего Постановления), поскольку «защита общественного порядка» может оправдывать только ограничения прав, закрепленных в статье 9 Конвенции, но не тех, которые гарантированы статьей 8 Конвенции, а последние, без сомнения, также подвергались ограничениям в результате оспариваемой меры.

12. Таким образом, тот факт, что закон Франции о запрете сокрытия лица в общественных местах преследовал одну из правомерных целей, указанных во вторых пунктах статей 8 и 9 Конвенции, является спорным.

С. СОРАЗМЕРНОСТЬ ПОЛНОГО ЗАПРЕТА НОШЕНИЯ ПОЛНОСТЬЮ СКРЫВАЮЩЕЙ ЛИЦО ОДЕЖДЫ

1. Разные подходы к плюрализму, терпимости и широте взглядов

13. Уже неясно, какие права подлежат защите в результате оспариваемой меры, но еще сложнее утверждать, что защищаемые права перевешивают нарушенные права. Это особенно верно, поскольку власти Франции не объяснили и не привели примеров того, как влияние на других лиц данного конкретного предмета одежды отличается от иных разрешенных практик сокрытия лица, например, определенных причесок, темных очков или шляп. В ходе законодательного процесса сторонники полного запрета упоминали главным образом «ценности Республики, выраженные в максиме “Свобода, равенство и братство”» (см. § 17 настоящего Постановления). Европейский Суд ссылается на «плюрализм, терпимость и широту взглядов» как на отличительные черты демократического общества (см. § 128 настоящего Постановления) и утверждает по существу, что этим ценностям может быть отдано предпочтение перед стилем жизни или религиозной одеждой небольшого меньшинства, если таков выбор общества (см. § 153 настоящего Постановления).

14. Однако все эти ценности могут рассматриваться как оправдывающие не только полный запрет ношения скрывающей лицо вуали, но и, напротив, признание такого религиозного дресс-кода и принятие интеграционного подхода. По нашему мнению, заявительница права, утверждая, что французский законодатель ограничил плюрализм, поскольку спорная мера препятствует некоторым женщинам выражать свою личность и религиозные убеждения путем ношения полно-

стью скрывающей лицо одежды в общественных местах (см. § 153 настоящего Постановления). Таким образом, полный запрет может толковаться как признак селективного плюрализма и ограниченной терпимости. В своей прецедентной практике Европейский Суд ясно высказался по поводу обязанности государства обеспечивать взаимную терпимость между противоположными группами и указал, что «роль властей... заключается не в том, чтобы устранить причину напряженности, ликвидируя плюрализм, а в том, чтобы обеспечить терпимость противоположных групп по отношению друг к другу» (см. упомянутое в § 127 настоящего Постановления Постановление Европейского Суда по делу «Сериф против Греции» (Serif v. Greece) от 14 декабря 1999 г., жалоба № 38178/97, § 53). Запретив полностью ношение скрывающей лицо одежды, французский законодатель сделал обратное. Он не стремился обеспечить терпимость между группами большинства и меньшинства, но запретил то, что ему казалось причиной напряженности.

2. Несоразмерность вмешательства

15. Даже если бы мы должны были согласиться с тем, что права заявительницы, предусмотренные статьями 8 и 9 Конвенции, могли сравниваться с абстрактными принципами, будь это терпимость, плюрализм и широта взглядов или идея «совместного проживания» и «минимальных требований жизни в обществе», мы в любом случае не можем согласиться с большинством судей в том, что данный запрет является соразмерным преследуемой цели.

(а) Пределы усмотрения властей государства-ответчика в сфере регламентации прав человека

16. Несмотря на то, что мы согласны с большинством судей в том, что в вопросах общей политики, относительно которых в демократическом обществе разумно ожидать наличия больших разногласий, необходимо придавать особую важность роли органов, принимающих решения на внутригосударственном уровне (см. § 154 настоящего Постановления), мы не можем согласиться с тем, что в данной конкретной ситуации пределы допустимых для властей Франции пределов усмотрения были широкими (см. § 155 настоящего Постановления).

17. Во-первых, запрет направлен на одежду, тесно связанную с вероисповеданием, культурой и личными убеждениями и, следовательно, с интимным правом, касающимся личности человека.

18. Во-вторых, неубедительно проведение параллели между настоящим делом и делами,

которые касались отношений между государством и церковью (см. § 129 настоящего Постановления). Как показал законодательный процесс, закон специально был сформулирован более широким образом и применялся общим образом к «одежде, предназначенной для сокрытия лица» и, таким образом, выходил за рамки религиозного контекста (см. доклад Государственного совета Франции по итогам проведенного им исследования относительно «возможных правовых оснований запрета полностью скрывающей лицо одежды», § 20 и последующие настоящего Постановления, и его последствия для законопроекта, рассмотренного парламентом). В отличие от ситуации, которая имела место в деле «Лейла Шахин против Турции» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лейла Шахин против Турции» (*Leyla Şahin v. Turkey*) от 10 ноября 2005 г., жалоба № 44774/98, § 109), касавшейся регулирования ношения религиозных символов в образовательных учреждениях, французский закон сам по себе не имеет религиозной коннотации.

19. В-третьих, сложно понять, почему большинство судей не были готовы признать наличие в Европе консенсуса по вопросу запрета полностью скрывающей лицо одежды (см. § 156 настоящего Постановления). Согласно прецедентной практике Европейского Суда для установления наличия или отсутствия консенсуса на европейском уровне имеют значение три фактора: право международных договоров, сравнительное право и международное «мягкое» право (см. Постановление Европейского Суда по делу «Маркс против Бельгии» (*Marckx v. Belgium*) от 13 июня 1979 г., жалоба № 6833/74, § 41). Тот факт, что 45 из 47 государств – членов Совета Европы, то есть подавляющее большинство, не сочли необходимым вмешательство законодателя в данную сферу, является убедительным доказательством наличия консенсуса на европейском уровне (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Баятян против Армении» (*Bayatyan v. Armenia*) от 7 июля 2011 г., жалоба № 23459/03¹, §§ 103 и 108, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А, В и С против Ирландии» (*A, B and C v. Ireland*) от 16 декабря 2010 г., жалоба № 25579/05, § 235). Если в некоторых государствах обсуждается возможность проведения реформы, а в других – практика ношения полностью скрывающей лицо одежды отсутствует, существующее положение вещей, без сомнения, ясно. Кроме того, как подробно подтверждено в настоящем Постановлении, Парламентская Ассамблея Совета Европы и Комиссар по правам человека Совета Европы (см. § 35 и последующие настоящего Постановления), а также неправительственные

организации (см. § 89 и последующие настоящего Постановления) резко возражали против полного запрета ношения такой одежды. Данный подход подтверждается ссылкой на другие международные договоры в области прав человека, особенно на Международный пакт о гражданских и политических правах и на Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Несмотря на то, что Комитет ООН по правам человека не высказал своего мнения по поводу общего запрета ношения полностью скрывающей лицо одежды, он счел, например, что исключение студентки из университета за ношение хиджаба являлось нарушением пункта 2 статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах (см. § 39 настоящего Постановления). Комитет ООН по правам человека указал, что регулирование ношения женщинами определенной одежды может предполагать нарушение ряда прав (см. § 39 настоящего Постановления).

20. Доводы, основанные на международном и сравнительном праве, говорят против признания за государствами широких пределов усмотрения и в пользу тщательного надзора со стороны Европейского Суда. Хотя вполне правомерно принимать во внимание особую ситуацию, существующую во Франции, особенно сильную и объединяющую традицию «ценностей Французской революции», а также подавляющий политический консенсус, который привел к принятию закона, задача Европейского Суда, тем не менее, заключается в том, чтобы защищать меньшинства от несоизмеримых вмешательств в их права.

(b) Последствия для затронутых запретом женщин

21. Было представлено много доказательств возникновения дилеммы, перед которой были поставлены женщины, находящиеся в положении заявительницы, которые хотели носить полностью скрывающую лицо одежду в соответствии с их вероисповеданием, культурой и личными убеждениями. Либо они соблюдают традиции и остаются дома, либо они нарушают традиции и выходят из дома без своего обычного убора. В противном случае они рискуют подвергнуться уголовному наказанию (см. Резолюцию № 1743(2010) Парламентской Ассамблеи Совета Европы, § 37 настоящего Постановления, а также постановление Конституционного суда Испании (см. § 47 настоящего Постановления). По нашему мнению, от ограничительной меры не стоит ожидать желаемого эффекта освобождения женщин, которых, как предполагается, подавляют, напротив, запрет приведет к их дальнейшему исключению из общества и ухудшению их положения.

22. В отношении мнения большинства судей о том, что законом предусмотрены только «мяг-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 5 (примеч. редактора).

кие» меры наказания (см. § 152 настоящего Постановления), мы считаем, что, поскольку ношение полностью скрывающей лицо одежды является постоянной практикой, необходимо принимать во внимание множественный эффект следующих друг за другом наказаний.

23. Кроме того, как отметили большинство судей, запрет затрагивает лишь небольшое количество женщин. Это означает, что только в редких случаях среднестатистический человек может встретить женщину в полностью скрывающей лицо одежде и таким образом быть затронутым невозможность взаимодействия с другим человеком.

(с) Принятие менее ограничительных мер

24. Более того, власти Франции не объяснили, почему было невозможно применить менее ограничительные меры вместо введения уголовного наказания за сокрытие лица во всех общественных местах. Не было установлено, были ли и в какой мере предприняты усилия по устранению такого относительно недавнего явления, как ношение полностью скрывающей лицо одежды посредством, например, повышения информированности и обучения. Законодательный процесс показывает, что обсуждалась возможность применения менее ограничительных мер. В упомянутом

выше докладе «О практике ношения полностью скрывающей лицо одежды на территории страны» была обозначена четырехступенчатая программа по освобождению женщин от принуждения ношения полностью скрывающей лицо одежды, но не содержалось рекомендаций в пользу установления общего запрета или уголовного наказания (см. § 17 настоящего Постановления). Национальная консультативная комиссия по правам человека также рекомендовала принятие «мягких» мер и призвала к развитию курсов гражданских обучения на всех уровнях как для мужчин, так и для женщин (см. § 19 настоящего Постановления).

Д. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

25. С учетом вышеизложенных доводов мы полагаем, что криминализация ношения полностью скрывающей лицо одежды являлась мерой, несоразмерной по отношению к цели защиты идеи «совместного проживания», цели, которая с трудом может быть вписана в предусмотренный Конвенцией закрытый список оснований для вмешательства в осуществление основных прав человека.

26. По нашему мнению, в настоящем деле имело место нарушение требований статей 8 и 9 Конвенции.